

I. ДУМЫ, ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния государственного. Здесь не место опровергать сие странное мнение *; к тому ж оно, к счастью, не может в наш век иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей.

За полезное, однако ж, сказать почитаю, что ** один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом, жители Митиленские, покорив возмущившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретив детей их чему-либо учить. Благосостояние и тишина общественных реже нарушаются в государствах образованных, нежели непросвещенных, ибо народы первых лучше понимают истинные пользы свои, нежели последних, ибо просвещение — надежнейшая узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывает их *излишнему* просвещению. Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и извивают тлетворный яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли, лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения.

Обязанность каждого писателя — быть для соотечественников *** полезным, и я, по возможности, желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших ****.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений:

«Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми

* Далее зачеркнуто: источник оного известен: он есть деспотизм.

** На полях против этого места поставлена звездочка и косой крест, указывающие, очевидно, на место вставки. Вставка, находящаяся на отдельном обрывке бумаги, включена нами в текст. Вставка начинается словами: один деспотизм и кончается: ...чему-либо учить.

Далее зачеркнуто: законные правительства, основанные на законной свободе, тверже народов просвещенных.

*** Первоначально: для народа

**** Слова: деяния предков наших написаны вместо вычеркнутых: происшествия русского народа.

впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с годами, приготавливая храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское Общество наук в Варшаве, — продолжает тот же писатель, — постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рассказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно многочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородн(ой) цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских».

Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим, посредством Дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение — пролить в народ наш хотя каплю света.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 264, лл. 1—3.

Написано на отдельных листах (цитата из Немцевича выписана отдельно).

Текст представляет собою первую редакцию предисловия Рыльева к отдельному изданию «Дум». Естественнее всего связывать время написания этого предисловия с подготовкой к печати отдельного издания «Дум», над которым Рылеев начал работать в 1824 г. и рукопись которых он сдал в Московский цензурный комитет в самом конце 1824 г.

На первой странице автографа сборника «Дум», хранящегося в ЦГИА (ф. № 279, ед. хр. 278, л. 5), рукою Рыльева написано: «За два года пред сим написал я несколько из сих Дум. Известный литератор наш, Ф. В. Булгарин, увидел их у меня...

Нечто о Думах».

На этом запись обрывается: поэт, видимо, не пожелал упоминать в своем предисловии о Булгарине, с которым с сентября 1823 г. разорвал всякие отношения (см. письмо Рыльева к Булгарину и ответ последнего. — Ры л е е в. Соч., стр. 469—470 и 780—782). Если предположить, что Рылеев говорит здесь о *первых* своих думах, то их Булгарин мог увидеть у Рыльева в начале осени 1821 г. Поэт тогда же извещал Булгарина из Острогжска: «Прощай, я в половине сего месяца выезжаю, но буду в Петербурге не прежде половины сентября, ибо еду на своих» (см. об этом подробнее: Ры л е е в. Соч., стр. 459—460). Прибавляя к осени 1821 г. упомянутые Рылевым «два года», мы должны были бы датой написания первой редакции предисловия считать сентябрь — октябрь 1823 г. Такая датировка, однако, в высшей степени сомнительна: у нас нет никаких данных о подготовке издания «Дум» уже осенью 1823 г., а готовить предисловие заранее, за год до издания, Рылеев, конечно, не стал бы. Упоминание в этом отрывке фамилии Булгарина само по себе еще не является достаточным свидетельством того, что предисловие писалось до разрыва отношений между Рылевым и Булгариным. Называть Булгарина «известным литератором нашим» Рылеев, конечно, мог и после разрыва их личных отношений. Более того — обрыв этой записи скорее всего свидетельствовал о том, что Рылеев не пожелал связывать свои «Думы» с именем «литератора», хотя и «известного», но явно недобросовестного.

Наконец — и этот довод самый существенный из всех — мысли Рыльева и самые его формулировки позволяют датировать первую редакцию предисловия лишь

С любезнейшему Петру Александровичу
Плетневу
Ваш почитатель
П. А. Рылев

С любезнейшему Петру Александровичу
Плетневу
Ваш почитатель
П. А. Рылев

ДУМЫ.

Сочиненныя
П. А. РЫЛЕВЪ.

Москва.
Въ Типографии С. Сиверскаго
1825.

ДУМЫ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛЕВА.

МОСКВА.

1825.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДУМЪ.

	Стран.
1. Олегъ Влщій.	1
2. Ольга при могилѣ Игоря.	7
3. Святославъ.	15
4. Святополовъ.	23
5. Рюрикъ.	32
6. Бояръ.	45
7. Мстиславъ Удамый.	53
8. Михаилъ Тверской.	57
9. Димитрій Довской.	65
10. Галицкий.	73
11. Курбскій.	85
12. Смерть Ермака.	91
13. Борисъ Годуновъ.	101
14. Димитрій Семовладовъ.	109
15. Иванъ Сусалинъ.	117
16. Богданъ Хмельницкій.	127
17. Артемоль Манычевъ.	135
18. Платъ Великій въ Острогосей.	143
19. Волжскій.	149
20. Наталья Долгорукова.	157
21. Державинъ.	165

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ РЫЛЕВА П. А. ПЛЕТНЕВУ

«Любезнейшему Петру Александровичу Плетневу от сочинителя»

Наклеены на внутреннюю сторону крышки переплета принадлежавшего Плетневу экземпляра первого отдельного издания «Думъ»

Оборот переплета, титульный лист, обложка и оглавление книги

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1824 г. Только после своего перехода на республиканские позиции Рылеев мог с такой силой заострить свои выпады против «деспотизма». Поэт обвиняет деспотизм в гонениях на «просвещение», объясняящихся тем, что «лучшая подпора» деспотизма — «невежество». Саркастически звучит ссылка на «жителей Митиленских». Обратим внимание на то, каким написан второй абзац этого предисловия и особенно его конец: «Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетворный яд <...> пребудем тверды...». В таком резко обличительном духе Рылеев не писал ни «Видения», ни даже «Гражданского мужества». Обличительный тон этот появился у него с весны 1824 г. (вспомним, например, оду «На смерть Байрона») и очевидным образом связан с ростом революционности Рыльева. Ода «На смерть Байрона» имеет некоторое сходство с проектом предисловия. В предисловии мы читаем: «деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей», в оде «На смерть Байрона»: «Чему на шатком троне рад / Тиран роскошного Востока?»

Первая редакция рылеевского предисловия к «Думам» проникнута идеями революционного просветительства. В полном согласии с этими передовыми теориями Рылеев утверждал здесь, что «невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире». Эти строки лишь формально обращены против «волнений народных»: главный удар направлен здесь против тех, кто воспитывает в народе «предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа», — то есть против «тиранов» и их «друзей», против самодержавной власти. Народ жаждет «света», но просветить его мешают презренные «порицатели» просвещения.

Рылеев не мог не сознавать, что цензура не пропустит этого исключительно резкого предисловия. Бируков или Красовский, конечно, не одобрили бы намерения Рыльева «пролить в народ наш хотя кашлю света». Можно с полной уверенностью утверждать, что, убедившись в политической нецензурности этой первой редакции предисловия, автор «Дум» и не представлял его в Московский цензурный комитет. Во всяком случае, в цензурном экземпляре «Дум», хранящемся в Центральном архиве древних актов, мы никаких следов этой ранней редакции предисловия не находим.

Излишне распространяться о значении настоящего автографа. Он дает представление о том, чем могли быть «Думы», если бы поэт высказывал в них все свои мысли. Знаменательна и патриотическая тенденция этой редакции предисловия — стремление Рыльева побудить «простой народ» «гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою».

Сравнивая публикуемую здесь первую редакцию предисловия к «Думам» с окончательным его текстом, мы видим, что автор «Дум» совершенно устранил три первых абзаца, в которых изобличался «деспотизм, боящийся просвещения». Рылеев счел более уместным начать с цитаты из Немцевича, однако вся вторая ее часть (со слов «Царское Общество наук в Варшаве» и до конца абзаца) также оказалась устраненной. Взамен этого в предисловие введены были замечания, существенным образом ограничивающие связь рылеевского замысла с историческими песнями Немцевича:

«Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название Думы.

Дума — старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют Думы о Героях своих: Дорошенке, Нечаяе, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них» («Думы. Сочинение К. Рыльева». М., 1825).

Эти заново введенные в предисловие строки имеют очень большое принципиальное значение. Русский поэт не хочет, чтобы его считали подражателем Немцевича, которого он, впрочем, ценил и уважал как политического поэта. Рылеев подчеркнул теперь определяющую роль, которую сыграла в создании дум украинская народная поэзия. Этот лиро-эпический жанр, указывал Рылеев, существовал еще в начале XVI в.: «Сарницкий свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух

храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами» (там же). Таким образом в печатном предисловии 1825 г. Рылеев восстановил исторический приоритет украинской и русской литературы, отметив, что поляки «заняли ее <думу> от нас».

Доцензурная редакция предисловия к «Думам» с исключительной яркостью характеризует идейные установки «Дум» Рылеева.

«НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОФЫ ДУМЫ «ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ»

В общеизвестном печатном тексте думы Рылеева «Ольга при могиле Игоря» летописный рассказ о смерти князя, несправедливость и жадность которого вызвали восстание древлян и гибель его самого, имел совершенно необычную для произведений Рылеева в этом жанре политически нейтральную трактовку. Этот неожиданный авторский нейтралитет особенно оттенялся заключительной сентенцией думы, обращенной к юному Святославу:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!

Узость и примитивность политических выводов, сделанных поэтом из рассказа об умерщвлении Игоря, в данном случае как будто бы оправдывали суровое суждение Пушкина, утверждавшего, что некоторые ранние думы Рылеева «слабы изобретением и изложением», что они «и целят, а всё невпопад»¹. Однако автограф думы «Ольга при могиле Игоря», сохранившийся в обнаруженной части архива Рылеева, позволяет полностью реабилитировать в этом отношении поэта-декабриста².

Что же представляет собою новая рукопись как материал, характеризующий творческую работу Рылеева, во-первых, и как документ, позволяющий установить окончательную редакцию думы, во-вторых? Прежде всего надо оговорить, что мы располагаем не полным текстом думы, а лишь двенадцатью ее строками, перебеленными автором на обороте листка, занятого черновыми набросками думы «Глинский». Обе думы датируются осенью 1822 г. Судя по тому, что Рылеев переписал именно те строки думы «Ольга при могиле Игоря», которые или вовсе отсутствовали в ее первопечатном тексте в журнале «Новости литературы» 1822 г. или подверглись в нем существенным изменениям, можно предположить, что поэт хотел сохранить более полный и точный текст на случай переиздания думы. Надежды эти не оправдались. Цензурные условия при выпуске в свет отдельного издания «Дум» в 1825 г. остались теми же, что и за три года до того, а потому воспользоваться своей записью Рылееву не пришлось.

В отличие от первопечатных текстов думы, рукописный ее фрагмент дает более развернутую оценку действий Игоря, подчеркивает «несправедливость власти», бедственную для народа, оправдывая тем самым и кровавую расправу с князем, учиненную древлянами. В этих же строках содержится предостережение властителю: «страсти» не должны управлять его государственной деятельностью. И тут же поэт напоминает об ответственности князей за их злодеяния — ответственности не только перед современниками, но и перед потомством. Заключительное наставление явственно звучало в рукописи как осудительный приговор, произнесенный народом и историей:

Вот, Святослав! к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.

Но вдвое князь—во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин;
Будь над страстями властелин
И жить в веках до<стоин!>³

Нет никаких сомнений в том, что первые восемь строк этой части думы, вдохновленные борьбой «дворянских революционеров» двадцатых годов за конституцию, за создание законов, строго регулирующих взаимоотношения царя и подданных, изъяты были из печатного текста думы цензорами, а не автором.

Сложнее разрешить вопрос о том, кто именно вносил исправления в следующее четверостишие, которое в печатном тексте читается так:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!

Правка этой строфы, обусловленная необходимостью замены неудачного сочетания слов «Отец будь подданным, о сын», могла принадлежать редактору «Новостей литературы», а не самому автору. Но, поскольку Рылеев утвердил и закрепил именно этот вариант в издании 1825 г., он подлежит сохранению и в каноническом тексте думы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Письма к В. А. Жуковскому от 20—24 апреля и к Рылееву от второй половины мая 1825 г. — Пушкин, т. XIII, стр. 167, 175.

² ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 5 об.

³ Две неизвестные строфы думы «Ольга при могиле Игоря» (по копии П. А. Ефремова, а не по автографу) включены были в подготовленный нами к печати текст «Стихотворений К. Рылеева» в малой серии «Библиотеки поэта» (изд. 1-е: 1938), но, поскольку эта вставка не была оговорена и мотивирована в комментариях Н. И. Мордовченко в этом издании, она не была учтена ни в специальной литературе о Рылееве, ни в новейших перепечатках его произведений.

<ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «РОГНЕДА»>

Сгустилась мгла!.. В пучине голубой
Зажглися яркие светила ночи
И бледный свет излили свой
На долы спящие и дремлющие рощи!.. *
Повсюду воцарилась тишина!
Умолк на стогнах ** шум народа ***
На лоне сумраков и сна ****
Покоился и град и терем Рогволода.

Когда-то в пышном тереме цвела,
Как лилия, Рогнеда молодая...

ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 2 об.

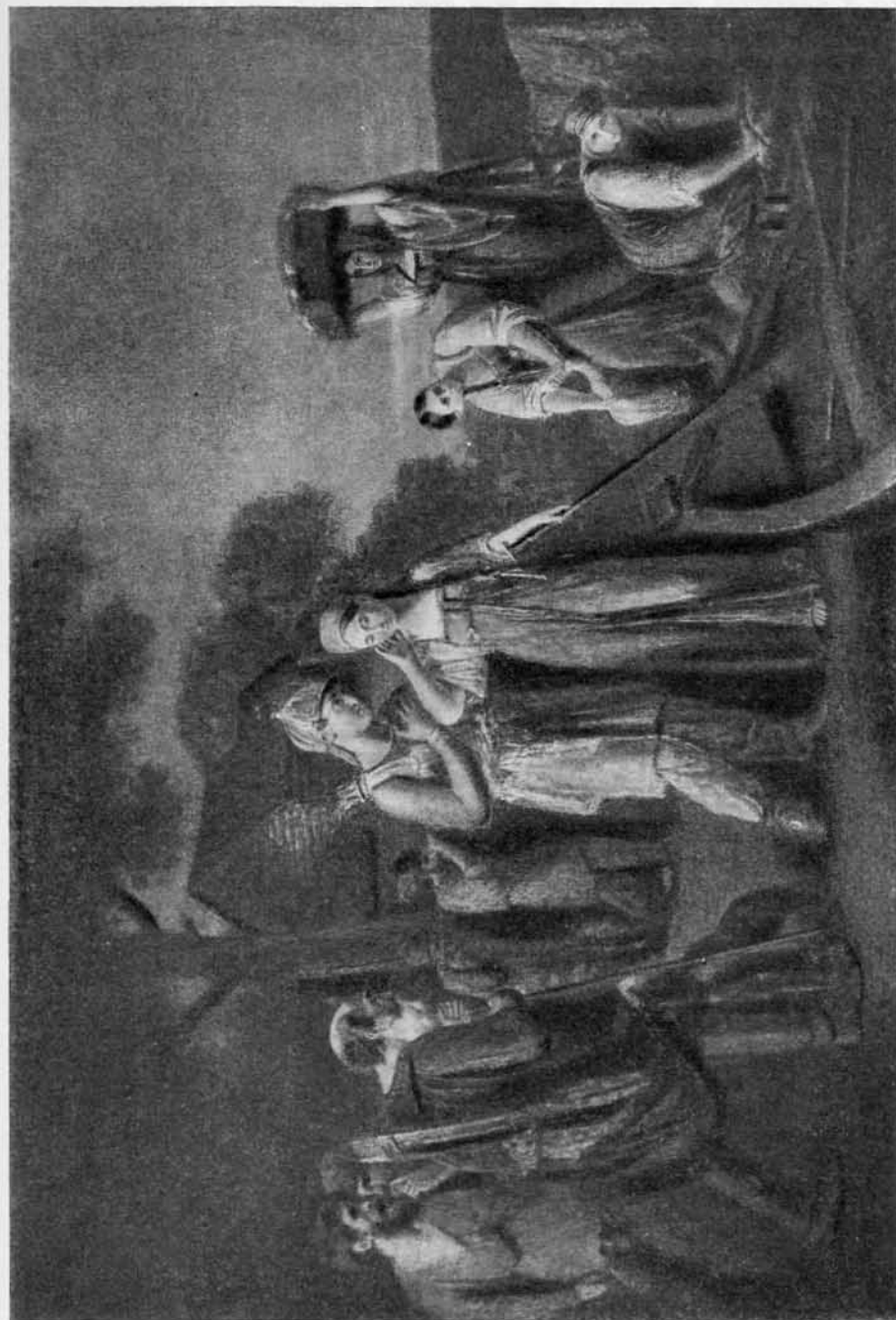
* Далее зачеркнуто:

И всюду царствует торжественный покой,
И шум умолк дневной...

** Первоначально: оружий звук и

*** Первоначально: крик глухой

**** Перед этим стихом зачеркнуто: И град и пышный терем Гориславы

«ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ИГОРА И ОЛЬГИ»

Картина маслом неизвестного художника, 1800-е гг.

Третьяковская галерея, Москва

Этот отрывок является черновым автографом думы «Рогнеда», напечатанной в «Полярной звезде» на 1823 г. (дата ценз. разр.—30 ноября 1822 г.). Автограф тем самым датируется 1822 г.

Отрывок представляет собою первую и начало второй строфы думы. Первым восьми стихам свойственна та же перекрестная рифмовка, что и в окончательном тексте. Сохранив ямбический размер, Рылеев, однако, сократил число стоп с пяти в черновом автографе до четырех — в окончательном тексте.

Картина ночной тишины, набросанная уже в черновике, сохранилась и в белом тексте; поэт несколько развернул экспозицию действия:

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблестав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

В экспозицию вводятся новые детали — журчанье потока, шелест перелетного востерка. Судя по началу второй строфы «Когда-то в пышном тереме цвела / Как лилия, Рогнеда молодая», Рылеев намеревался рассказать о прошлом героини, объективно, от лица автора. В дальнейшем он отказался от этого намерения, вложив этот рассказ в уста самой Рогнеды, чем, несомненно, усилил его эмоциональность.

〈ПРОГРАММА И ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «ВЛАДИМИР СВЯТОЙ»〉

Планеты прервут течение,
Стихии смешаются,
И сие дивное создание,
Где мы наслаждаемся под небес(ами),
Всё, что мы видим, всё, что мы слыш(им),
Исчезнет,
Пройдет, как тень,
И разрушенный мир
Превратится в ничтожество.

Создатель тверди,
Тот, который создал из ничего
Воздух и огонь, сушу и воду,
Опровергнет* единым ударом длани
Обиталище человек
И основание, на котором утверждено солнце.
И сие великое расстройство мира,
Быть может, случится завтра.
Владимир ** внимал
И, речью старца пораженный,
То слезы лил, то трепетал,
Дивясь создателю вселенной...

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 2.

* Над этим словом не зачеркнуто: кинет

** Пробел в подлиннике.

Набросано на том же листе, что и черновик думы «Рогнеда»; этим определяется дата написания — 1822 г., соответствующая тому времени, когда Рылеев работал над ненапечатанной им при жизни думой «Владимир Святой».

В работе над этой думой Рылеев, едва ли не впервые, прибегнул к составлению предварительной программы-конспекта. Дошедший до нас черновой отрывок и начинается с прозаической программы, которая, повидимому, намечала ненаписанный еще Рылеевым стихотворный отрывок — речь старца, явившегося к Владимиру. В беловом тексте думы старец обращался к Владимиру со следующими словами:

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец! ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет страшный суд!

Программа в некоторой степени соответствовала этим строкам — в беловом автографе также говорилось о «кончине мира» и о «страшном суде». Последнее четверостишие приведенного выше черновика соответствует следующему тексту белового автографа (совпадающие слова набраны курсивом):

Так говорил пришелец священный,
И пылкий, яркий огонь в глазах его блистал,
И князь, *трепещущий*, смятенный,
Для потоки *слез*, словам его внимал!..

〈ОТРЫВКИ ДУМЫ «МАРФА ПОСАДНИЦА»〉

Простите вы, поля, долины, реки!
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки,
Мне суждено окончить дни в глуши.

Твой, о Новгород! разрушены твердыни,
Перед царем легли дружины в прах,
Окрестности превращены в пустыни,
И Марфа гордая в цепях!

Как гордый дуб в час грозной непогоды,*
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
В цепях увидела Москва.**

Нам от беды не откупиться златом,
Мы не рабы: мы мир приобрете<м>,
Как люди вольные, своим булатом
И купим дружество копьем.

Всё отнял рок жестокий и суровый:
Отечество, свободу, сыновей,
И вместо их, мне дал одни оковы
И вечный мрак тюрьмы моей.

* Этот стих перечеркнут карандашом.

** Далее незаконченная строфа:

За мной, друзья, [всё в жертву за свободу] умрем в кровавой сече,
Иль отстоим священные права

Свершила я свое предназначенье, *
 Что мило мне, чем в свете я жила,
 Детей, свободу и свое именьё—
 Всё родине я в жертву принесла. **

Не ездили из Новгорода в степи
 Мы на поклон в презренную орду,
 Мы на себя не налагали цепи
 И

Кто чести друг, кто друг прямой народа...

Что случилось с ней — народное преданье
 В унылой робости молчит.
 С Посадницей исчезнула свобода
 И Новгород в развалинах лежит.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, лл. 3—4 об.

В этом отрывке изображена Марфа Борецкая, жена новгородского посадника. Овдовев, Марфа стала во главе партии, склонной к союзу с Литвой и резко враждебной московскому великому княжеству. Иван III, стремившийся к объединению русских княжеств в Московском царстве, начал войну с Новгородом и после упорной борьбы овладел в 1479 г. этим городом. Марфа Борецкая была увезена из Новгорода и пострижена в монахини одного из волжских монастырей.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» указал на то, что Новгород «более шести веков» слыл «в России и в Европе державою народною или республикою, и действительно имел образ демократии: ибо вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и высшую исполнительную власть...» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 130). Правда, Карамзин подчеркнул, что демократия вольного Новгорода была ограниченной, поскольку «сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые люди, то есть домовитые или владельцы...». Историк отмечал, что новгородские «посадники и тысяцкие избирались только из бояр, а другие сановники — из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей...» (там же, стр. 130—132).

Не понимая прогрессивности объединения русских земель, которое проводилось московским великим князем Иваном III, а за ним и царем Иваном IV, декабристы в целях революционной пропаганды всемерно идеализировали новгородскую и псковскую «свободу».

В. Ф. Раевский в стихотворении «Певец в темнице» писал:

Я бросил свой смущенный взор
 С печалью на кровавы строки,
 Там был подписан приговор
 Судьбою гибельной, жестокой:
 «Во прах и Новгород и Псков,
 Конец их гордости народной.
 Они дышали шесть веков
 Во славе жизнию свободной».

* Перед этим стихом зачеркнуто:

Всё кончилось!.. но я свое свершила

** Далее зачеркнуто:

Душа моя тверда, как дуб нагорный,
 Напрасно бедствия сразить ее хотят,
 Вотще ревет и вихрь, и ветер упорный

-

13

Гаврили, ~~судья~~ ^{губернатор} ~~в Кривобак~~ ^{в Кривобак} ~~судья~~ ^{судья}
 Вот о нем мы слышали в газете
~~Гаврили, судья, в Кривобак~~ ^{Гаврили, судья, в Кривобак}
~~Гаврили, судья, в Кривобак~~ ^{Гаврили, судья, в Кривобак}
~~Гаврили, судья, в Кривобак~~ ^{Гаврили, судья, в Кривобак}
 Гаврили, судья, в Кривобак!

Лист 1
Центральный исторический архив, Москва

Романтически идеализируя государственное устройство этих вольных городов, Раевский восторгался царившим в них народоправством — по его утверждению, народ там «сбирался на площади»:

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправо́ые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять...

(В. Раевский. Стихотворения.
Л., 1952, стр. 153—154).

Подобное изображение Новгорода и Пскова нужно было декабристам для того, чтобы в легальной форме агитировать за утверждение «народовластия». Отсюда у них выросло и подчеркнуто идеализированное изображение «богоподобной жены» — Марфы Посадницы.

Рылеев, как и другие декабристы, усматривал в древнем вече зачатки гражданской свободы. Он писал в январе 1825 г. Пушкину: «... Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца <...> Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы» (Рылеев. Соч., стр. 479).

Образ Марфы глубоко интересовал Рылеева. До нас дошел еще отрывок из думы «Марфа Посадница», опубликованный в 1871 г. П. А. Ефремовым (см. «Русскую старину», 1871, № 1, стр. 78). В этом отрывке изображалось, по всей вероятности, то народное собрание, новгородское вече, на котором, по выражению Карамзина, «в последний раз» сильно обнаружилась любовь «к древней свободе...». «Требуем битвы!» — восклицали тысячи: «умрем за вольность...» (<Н. М. Карамзин> История государства Российского, т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 123).

Еще до создания этого отрывка Рылеев написал другой, публикуемый нами. Внимательное изучение последнего показывает, что в нем сочетаются три различных момента в истории покорения Новгорода. В первых, начальных, строфах Марфа, уже закованная в цепи, прощается с Новгородом. В четвертой строфе Марфа призывает новгородцев к «кровавой сече». Повидимому, Рылеев вернулся здесь ко времени, предшествовавшему сдаче Новгорода. Однако пятая и шестая строфы отрывка («Всё отнял рок...», «Свершила я...») возвращают нас к первой теме прощанья, а седьмая строфа («Не ездили из Новгорода в степи») продолжает вторую тему — призыва к вооруженной борьбе.

В последней строфе поэт говорит о Марфе уже ретроспективно и от своего собственного лица.

На этой стадии работы Рылеев пока еще накапливал материал для образа Марфы и эпизода прощанья ее с новгородцами. Последняя строфа звучала как острый и патетический финал всей думы.

«ИЗ ЧЕРНОВЫХ ВАРИАНТОВ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО»»

«1»

Веет, веет, повеваает
Тихий ветер с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
[Скачут, мчатся беззаботно
Через степи казаки;

Веет ветер мимолетный,
Грозно вьются бунчуки.
Гетман степию широкой,
От полков на скакуне*
В мрачной думе, одинокой,
Тихо едет на коне.
[Лишь один всеведец знает,**
Что Хмельницкий замышляет...
И куда ведет полки]

«МАРФА ПОСАДНИЦА»

Эскиз маслом Дмитрия Иванова к его одноименной картине
(хранящейся в Русском музее), 1808 г.
Третьяковская галерея, Москва

[Мчатся быстро казаки,
Грозно вьются бунчуки]
[Орда от казаков несется]
Лишь на траве сакма за ней
В степи пустынной остается.
И глухо в поле раздается
И прыск и ржание коней.

* Первоначально: На черкасском скакуне

** Далее зачеркнуто: Но не знают казаки

<2>

[Глухая ночь. На вышине
Грядюю длинной идут тучи;
Казацкий табор в тишине
Давно заснул на бреге Случи.
Сторожевые казаки
Спокойно ходят вдоль реки.]

<3>

Не тучи на небе сдвигались,
Не дождь шумел из облаков,
В степи с татарами слетались
Дружины храбрых казаков.
Их кони страшно землю роют,
Несутся бурно, чуя бой;
Поля притоптанные воют,
Клубится пыль, как дым густой
Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как вихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сайгадашный
С дружиной буйных удальцов.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 1—2. об.

Первый отрывок из чернового автографа «Наливайко» («Веет, веет, поведает») относится, повидимому, к изображению похода Наливайко. Любопытно, однако, что в черновике Рылеев не только не называл еще имени Наливайко, но и упоминал Хмельницкого (правда в зачеркнутых им тотчас же стихах: «Лишь один всеведец знает, что Хмельницкий замышляет»). Это дает нам основание предполагать, что по первоначальному замыслу Рылеева печатаемый здесь первый отрывок должен был относиться к задуманной им поэме о Хмельницком (см. о ней ниже в сообщении о прологе из трагедии «Хмельницкий», стр. 58).

Второй отрывок, изображающий ночь перед сражением, соответствует черновому отрывку, опубликованному В. Е. Якушкиным в «Вестнике Европы», 1888, № 11, стр. 589:

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин и оба стана
Обвиты саваном тумана.

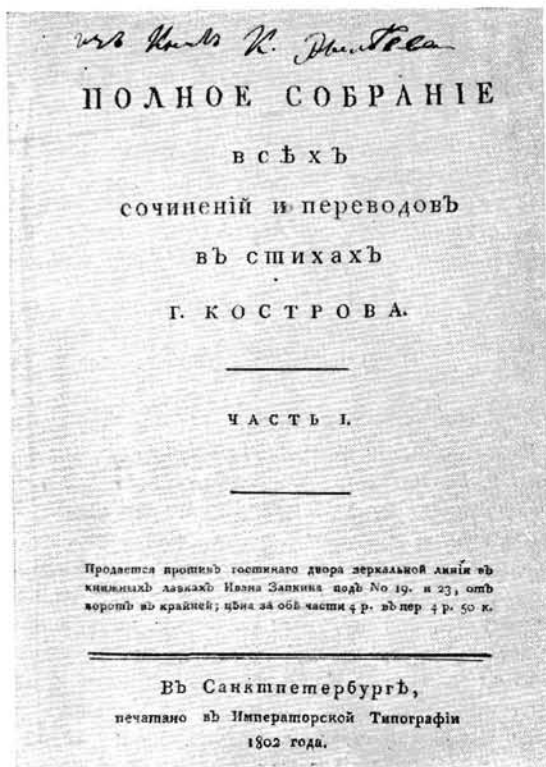
Третий из печатаемых здесь отрывков тематически как будто бы несколько выпадает из поэмы о Наливайке. Речь здесь идет о борьбе украинских казаков с татарами, в которой важную роль играл Сагайдачный. Рылеев интересовался этим полководцем наряду с другими деятелями Украины; в предисловии к «Думам» он напоминал: «Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечаете, Сагайдачном, Палее...» (Рылеев. Стих., стр. 115). Нет оснований считать этот отрывок реализацией какого-то нового замысла. Сагайдачный действует здесь не как гетман, а как сподвижник Наливайко в борьбе Украины против крымских татар. Судя по тому, что этот отрывок помещен рядом со «Смертью чигиринского старосты», Рылеев предполагал и его включить в поэму о Наливайке.

Останавливает на себе внимание близость этого отрывка к фольклору, именно — к украинским историческим песням, а также динамичность его повествования.

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ВСЕХ
СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ
В СТИХАХ» Е. И. КОСТРОВА.
ЧАСТЬ I. ИЗД. 1802 г.

ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬ-
ЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Библиотека Московского уни-
верситета им. М. В. Ломоносова

〈ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ〉

〈1〉

Царь Алексей был счастлив на министров
И им одним поистине обязан
Всей славою правленья своего *
Что б сделал он без мудрости бояр?
Морозов был царю небесный дар!..**

Молчи! Ты лжешь... бессмысленной хулою
Великих дел мной чтимого отца
Ты не меня ль *** превознести желаешь?..
Не думал я найти в тебе льстеца...

Ты чаще всех со мною споришь, дядя,
И чаще всех ты досаждаешь мне,
Так иногда, что, гнев свой не скрывая,
Бранюсь с тобой, а после посмотрю,
И вижу я, что, правду обожая, ****
Лишь предан ты отчизне и царю.

За истину я дяде благодарен,

* Далее зачеркнуто:

Всему душой
И лучших дел Морозов, был виной.

** Далее зачеркнуто: Ты врешь! Ты лстец

*** Первоначально: Петра ль

**** Далее зачеркнуто: Люби ж меня и родину свою

Скажи же мне с обычным беспристрастьем;
 Что доброго в деяния<х> отпа
 И в собственных по правде ты находишь?

<2>

[Разнесся слух, что Карл идет на Краков]

В е с т н и к

Князь Меншиков прислал меня из Польши
 С известием, что Карл идет на Русь,
 И хочет быть зимой еще в Москве.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 1—1 об.

В начале листа несколько зачеркнутых строчек, являющихся началом какого-то одного или нескольких стихотворений: «О что тебя, край милый, ожидает...».

Печатаемые здесь 23 стиха являются двумя отрывками из драматического сочинения Рылеева, название которого нам неизвестно. Оба отрывка объединены размером — пятистопным ямбом, частично рифмованным. Последние четыре стиха, начинаемая со слов «Разнесся слух, что Карл идет на Краков», довольно точно устанавливают тему и время действия: речь идет, несомненно, о Карле XII, который во главе шведских войск в январе 1708 г. вступил в пределы России. Как известно, первоначально он шел через Белоруссию на Москву и, лишь встретив упорное сопротивление русских войск, повернул на юг, на Украину, где в июле 1709 г. был разгромлен Петром I и бежал вместе с предавшимися шведам украинским гетманом Мазепой.

Первый отрывок (кончая стихом «И в собственных по правде ты находишь?») также явно драматичен, поскольку его первые пять стихов представляют собою краткую речь собеседника Петра, а дальнейшие четырнадцать — ответ русского царя.

Боярин Морозов, о котором идет речь в приводимом отрывке, это Борис Иванович Морозов (1590—1661) — дядька, воспитатель, друг и ближайший советник царя Алексея Михайловича. Затруднительно определить, с кем мог вести этот разговор Петр I? У него были два «дяди» — Петр Лопухин и Лев Кириллович Нарышкин. Мало вероятно, что Рылеев вложил первые пять стихов отрывка в уста Лопухина, находившегося с Петром в родстве по своей племяннице Евдокии, первой жене Петра Лопухина, правда, находился в резкой оппозиции к преобразованиям Петра I, но никак не отличался «обычным беспристрастьем». Более вероятно поэтому, что Петр разговаривает со своим дядей по матери, Л. К. Нарышкиным (1668—1705), который был одним из его министров, занимая в 1690—1702 гг. пост начальника Посольского приказа. Правда, к нему не очень подходят слова об «обожании правды» — известно, что Л. К. Нарышкин не отличался ни силою характера, ни определенностью убеждений. Если признать, что собеседником русского царя был Нарышкин, нужно будет датировать действие первого отрывка более ранним временем, ибо Нарышкин скончался за несколько лет до вступления Карла XII в Россию.

Есть некоторые основания считать настоящий отрывок частью трагедии о Мазепе, которая была задумана Рылевым. До нас дошло несколько фрагментов, в том числе перечень действующих лиц, наброски персонажных характеристик и план всей трагедии.* В плане мы читаем: «Пролог. Пиршество в Москве у Петра. Спор его с Мазепой. Мазепа получает оплеуху». Далее Петр уже нигде не фигурировал. Замысел трагедии вернее всего датируется 1822 г., печатаемый же здесь отрывок, судя по его свободному от романтической аффектации стилю, должен быть датирован более поздним временем. Возможно, что в процессе работы над своим драматическим замыслом Рылеев расширил его первоначальные границы.

* «Перечень» и наброски напечатаны в обоих собраниях сочинений Рылеева; план опубликован в «Летописях» (стр. 282—283) с рядом неточностей.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»

Статья Ю. Г. Оксмана

I

Биографы Рылеева, характеризуя переход поэта от умеренно-либеральных лозунгов его ранних од и дум к революционной патетике национально-исторической эпопеи, до сих пор не располагали никаким материалом, который позволил бы документировать творческую работу автора «Войнаровского» и «Наливайко» в период, отделяющий его первую поэму от последних баллад.

В это время Рылеев еще не входил в революционную организацию. Лишь осенью 1823 г. он становится членом Северного общества, после чего вся его литературная деятельность полностью подчиняется задачам политической борьбы, определяется как одна из форм массовой агитационно-пропагандистской работы.

Рукописи Рылеева, обнаруженные во вновь найденной части его архива, дают возможность по-новому осветить все его замыслы переходной поры, неразрывно связанные с литературной и общественной борьбой 1822—1823 гг. Уроки именно этой борьбы потребовали от Рылеева, как ученика Гнедича и Катенина, полного литературно-технического перевооружения и, в первую очередь, освоения той высокой культуры нового лиро-эпического письма, образцы которого даны были в поэмах Пушкина. С предельной выразительностью процесс переобучения молодого Рылеева иллюстрируется набросками его ранее не известной поэмы из скандинавского быта о витязе Ольбровне и красавице Русле.

И в тематическом, и в ритмико-метрическом, и в лексико-фразеологическом отношении эти наброски еще не выходят за пределы ученических вариаций, сделанных как бы на полях «Руслана и Людмилы». Самое начало «Ольбровна и Руслы» в бумагах Рылеева не сохранилось (может быть, его и не было), но дошедшие до нас строфы поэмы (под заглавием «Отрывок») не позволяют считать эту потерю сколько-нибудь значительной¹.

ОТРЫВОК

На дальних берегах чужбины
Он девять месяцев разил
Иноплеменные дружины
И их зеленые равнины
Невинной кровию багрил.
Непостоянство бурной влаги,
Пучины грозные морей,
Ни блеск сверкающих мечей
Не охлаждали в нем отваги.
Владыки чуждые пиры
В нагорных замках нам давали,
Несли с покорностью дары,
Свои услуги предлагали,
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз.
Успехами надменный сими
И славы жаждущий Иснель
С друзьями храбрыми своими
Прибрежных к трепету земель
Приготовлялся к битвам новым...
Однажды пред костром дубовым,

На почерневшем сидя пне,
 Вечерних сумраков порою,
 Задумчиво склонясь главою:
 «О, царь певцов! — сказал он мне, —
 Почто столь долгое молчанье?
 Почто, почто в очарованье,
 Ты не приводишь, скальд молодой,
 Души тоскующего друга,
 И в повести своей живой
 Преданий древности седой
 Нам не расскажешь в час досуга?
 Отчизны милая страна
 Ольбровна именем полна,
 Но кто он был — Иснель не знает...» *
 Под камнем <сим> — был мой ответ! —
 Сей храбрый витязь почивает
 С подругой нежной юных лет!
 Дубравы Скании дремучи
 Гремели дел его молвой:
 Вскипев отважною душой,
 Пятнадцать раз Ольброви могучий
 Медведей лютых низлагал
 Своею сильною рукою
 И их свирепство укрощал
 Перед трепещущей толпою.
 Пятнадцать раз его стрела
 Паренье дерзкого орла
 Внезапно с жизнью пресекала
 И от туманных облаков
 При кликах радостных стрелков **
 На дол зеленый повергала.
 Но в те лета, когда любовь
 Кипящую волнует кровь,
 Когда все дышит негой сладкой,
 Как роза пышная весной,
 И сердце юное украдкой,
 Подруги ищет молодой, —
 Один Ольброви не ведал страсти,
 Лишь он был долго чужд цепей,
 Не знал любви волшебной власти,
 Не ведал прелести очей...
 Однажды с Руслою прекрасной
 Он встретился в лесной глуши;
 Взглянул — и огонь любви страстной
 Свободу заменил души...
 С тех пор он каждый день, с зарею,
 Из мрачной глубины лесов,
 При громком лае серых псов,
 Перед красавицей младою,

* Вариант, указанный Рылевым:

К его могиле подойдя:
 — Здесь витязь сей, — Иснелю я, —
 Где камень в землю уж врастает,
 Сном непробудным почивает
 С своей подругою младою.

** Сверху надписано и не зачеркнуто: мирных пастухов

Чтоб приобрести ее любовь,
 Являлся с дикою козю
 Или со шкурами волков.
 Суров и горделив доньше, —
 Так, наконец, он ей сказал:
 Дни одинокие в пустыне,
 Как сирота, я провождал.
 Любви томления приятны,
 И нега чувств души молодой
 Ольбровну были непонятны...
 О, Русла, друг прекрасный мой,*
 Очей прелестных пылкий пламень
 Ты в душу мне перелила,
 Ты в сердце претворила камень,**
 Ты мне почувствовать дала,
 Ты воскресила мою младость...***

Первые шестнадцать строк этого отрывка Рылеева вызывают в памяти рассказ Фина о его борьбе за Паину в первой песне «Руслана и Людмилы»:

Мы десять лет снега и волны
 Багрили кровию врагов.
 Молва неслась: цари чужбины
 Страшились дерзости моей;
 Их горделивые дружины
 Бежали северных мечей.
 Мы весело, мы грозно бились,
 Делили дани и дары
 И с побежденными садились
 За дружелюбные пиры.

Поэма из скандинавского быта была оставлена Рылеевым в самом начале как слишком абстрактная по своей псевдоисторической тематике, во-первых, и как явная имитация характерных деталей стиля и композиции юношеской поэмы Пушкина, во-вторых.

Автограф «Ольбровна и Руслы» не имеет сколько-нибудь определенных хронологических признаков. Однако самый факт воздействия на эту поэму «Руслана и Людмилы» свидетельствует о том, что время работы над «Ольбровном и Руслей» предшествует знакомству Рылеева с «Кавказским пленником». Новая поэма Пушкина опубликована была лишь в августе 1822 г. Под ее непосредственным воздействием определяется новый этап в творчестве Рылеева — работа над «Войнаровским». Следовательно, и планы «Ольбровна» никак нельзя относить к более позднему времени, чем первая половина 1822 г. Но, даже начисто зачеркнув свое первое большое эпическое полотно, Рылеев перенес из набросков «Ольбровна и Руслы» в «Войнаровского» две строфы, являющиеся сейчас документальной ил

* *Зачеркнуто:*

Свою прелестью невинной
 Всю прелесть их в стране пустынной
 Ты мне почувствовать дала.
 Всё, всё в тебе меня пленяет, —
 Ольбровн красавице твердил

** *Зачеркнуто:*

Мне их почувствовать впервые
 В стране дубровной сей дала,
 Ты в душу мне перелила
 Тот огонь, которым голубые

*** *Сверху надписано и не зачеркнуто: радость*

люстрацией связи обеих поэм. Так, в рассказе Войнаровского о его набегах на «хищных крымцев и поляков» мы читаем:

Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»

Рисунок (эскиз) Т. Г. Шевченко, 1840-е гг.

Музей Т. Г. Шевченко, Киев

В этой строфе перефразирован рассказ скальда из «Ольбровна и Руслы» о «чуждых владыках», которые удальцам Скании

Свои услуги предлагали,
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз².

Таково же происхождение строк «Войнаровского» о Мазепе после разгрома его под Полтавой:

Мазепа пред костром сосновым
Вдали на почерневшем пне
Сидел в глубокой тишине.

В «Ольбровне и Русле» эта экспозиция предварялась в строфе:

Однажды пред костром дубовым,
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склоняся главою:
«О, царь певцов!» — сказал он мне.

Текстуальная связь «Ольбровна и Руслы» с «Войнаровским» определяется не только наличием во второй поэме двух строф, непосредственно и почти без доработки перенесенных в нее из черновиков первой. В «Ольбровне и Русле» Рылееву уже удалось нащупать те выразительные приемы экспозиции политической биографии героя, которая развертывается в поэме не в порядке последовательного авторского изложения основных событий (как, например, в поэме «Наливайко»), а предлагается читателю в форме рассказа третьего лица, как бы снимающего с автора ответственность за апологетическую тональность повествования. Правда, в первой поэме Рылеева этот новый композиционный прием еще не имел той функции нарочитой «дымовой завесы», которая обеспечивала вхождение в печать острополитического толкования даже совершенно, казалось бы, нейтрального исторического материала. На путях от «Ольбровна и Руслы» к «Войнаровскому» в этом отношении гораздо более показателен опыт другой работы Рылеева над большой исторической темой — мы имеем в виду замысел «Меншикова в Березове», предвосхищавший план «Войнаровского в Якутске».

Первоначально Рылеев предполагал использовать политическую биографию Меншикова в той новой серии дум, которая намечалась им в конце 1822 г. Из этого цикла известны недописанные думы о Вадиме, Марфе Посаднице, царевне Софии, Минихе. До нас дошел, в двух вариантах, и зачин думы о Меншикове («В краю, где солнце редко блещет/На мрачных небесах» и «В стране угрюмой и глухой,/Где Сосва с бурей часто воет») ³. Рукописи Рылеева позволяют установить, что в начале 1823 г. тема «Меншиков в Березове» возрождается в форме большого эпического замысла, гораздо более близкого будущему «Войнаровскому», чем любой из его последних дум.

История генерал-фельдмаршала Меншикова, «друга мудрого Петра», заканчивавшего свою бурную жизнь политическим ссыльным в глухой сибирской тайге, передавалась в поэме устами его случайного березовского знакомого и почитателя. Этот рассказ выслушивала княгиня Наталья Долгорукая, роль которой в поэме о Меншикове была аналогична функции витезя Исналя в «Ольбровне и Русле» или Миллера в «Войнаровском». История же заговора Мазепы и его борьба с Петром разворачивались в исповеди Войнаровского, единомышленника и соратника преступного гетмана. Эта форма изложения и обеспечивала перенесение ответственности за положительную оценку Мазепы, осужденного приговором народа и истории, с автора на рассказчика.

II

Исторический эпос Рылеева столь же откровенно тенденциозен, как и его более поздние агитационные песни. Поэму, вновь завоевавшую себе после выхода в свет «Кавказского пленника» функцию ведущего жанра литературы (каким в начале XIX в. была трагедия, а в его середине — роман), автор «Войнаровского» полностью подчиняет политико-просветительным целям, ориентируя свою работу прежде всего на подъем революционной активности передового читателя. Новаторство Рылеева в этом отношении не вызывает сомнений, хотя проблематика поэмы нового типа, как исторической эпопеи, прямо и непосредственно отвечающей задачам агитационно-пропагандистской работы декабристов, была прокламирована еще, примерно, за год до появления первых строф «Войнаровского», в известном послании В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев». Это послание, вышедшее из-под пера одного из крупнейших литературных теоретиков революционного лагеря, в эту пору уже узника тираспольской крепости,

не могло быть, конечно, напечатано, но очень быстро дошло до кишиневских друзей Раевского с Пушкиным во главе, а вслед за тем и до их единомышленников в Москве и Петербурге. Программный характер литературно-политических установок нелегального послания «К друзьям в Кишинев» проявился с особой выразительностью в строфах, обращенных лично к Пушкину. Широко развертывая в этих строфах свое понимание задач, стоящих перед представителями передовой русской литературы, Раевский откровенно высказывал свою неудовлетворенность даже самыми большими ее достижениями, в числе которых уже был и «Кавказский пленник». Именно эту поэму имел в виду поэт-декабрист, именуя Пушкина «певцом Кавказа». Как известно, первая рукописная редакция «Кавказского пленника» (печатного текста поэмы Раевский еще знать не мог) имела заголовок «Кавказ»⁴. В порядке отталкивания от фабулы и образов этой поэмы Раевский и заклинал «певца Кавказа» обратиться к политически более актуальной, национально-исторической тематике:

Оставь другим певцам любовь!
 Любовь ли петь, где брызжет кровь,
 Где племя чуждое с улыбкой
 Терзает нас кровавой пыткой,
 Где слово, мысль, невольный взор
 Влекут, как явный заговор,
 Как преступление, на плаху,
 И где народ, подвластный страху,
 Не смеет шопотом роптать.
 Пора, друзья! Пора воззвать
 Из мрака век полночной славы,
 Царя-народа дух и нравы
 И те священные времена,
 Когда гремело наше вече
 И сокрушало издалече
 Царей кичливых рамена⁵.

Пушкин сразу же откликнулся на призыв Раевского поэмой «Вадим», но произведение это осталось незаконченным. Реализация задач, поставленных перед русскими поэтами в послании Раевского, выпала на долю Рылеева. Его поэмы были на несравненно более высоком политическом уровне, чем «думы», и «пробивали», говоря словами А. А. Бестужева, «новую тропу в русском стихотворстве»⁶.

В условиях цензурно-полицейского режима двадцатых годов проблема показа положительного героя, борца за свободу родного народа, сокрушающего «царей кичливых рамена», могла быть разрешена лишь в историческом аспекте, то есть путем обращения не к настоящему с его «ростками будущего», а только к прошлому. Но и в этом прошлом оставались запретными самые большие исторические имена подлинных защитников трудового народа — Пугачева, Разина, Болотникова. Рылеев мог писать о Волынском, но не смел оживить образ Радищева. Со времен Княжнина передовая русская литература сосредоточивает свое внимание на героях новгородской республики, выдвигая образы таких «борцов с самовластьем», как легендарный Вадим или Марфа Посадница. Продолжая эту традицию, Рылеев в своих думах напоминает и об иных подвигах выходцев из народных низов — Ермака и Сусанина, но терпит решительную неудачу, пытаясь искусственно расширить круг положительных исторических героев путем включения в него произвольно революционизированных образов великих князей и опальных вельмож, жертв царского произвола.

Характерно, что героем первой политической поэмы Рылеева едва не стал ссыльный князь Меншиков, и только знакомство с материалами о заговоре Мазепы в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского, вышедшей в свет в 1822 г., заставило Рылеева отказаться от начального замысла.

Единство генезиса poem о «Меншикове в Березове» и о «Войнаровском в Якутске» характеризуется не только определенными идейно-тематическими и жанровыми признаками. Оно может быть подтверждено и в результате анализа основных текстологических данных, ибо один из самых ранних черновых набросков «Войнаровского» сохранился на обороте листа, занятого перебеленным вариантом начала поэмы о Меншикове. Этот автограф Рылеева, бывший в 1872 г. в распоряжении П. А. Ефремова, затем на многие годы выпал из поля зрения исследователей, а потому и не получил правильного освещения в литературе о поэмах Рылеева⁷. Прежде чем привести его полностью, отметим, что в «Войнаровском» оказалась сохраненной, в числе прочих конструктивных деталей поэмы о Меншикове, и вся пейзажная ее экспозиция. Затерянный в снежных сугробах холм с одиноким крестом, уныло склонившимся над заброшенной могилой изгнанника, в зачине «Меншикова» обозначал березовский погост, в концовке «Войнаровского» — якутскую заимку. Возможно, что Рылеев потому только и не уничтожил начальных строк брошенной поэмы о Меншикове, что уже рассматривал их как материал, который может понадобиться ему в процессе осуществления нового замысла. Вот эти строки:

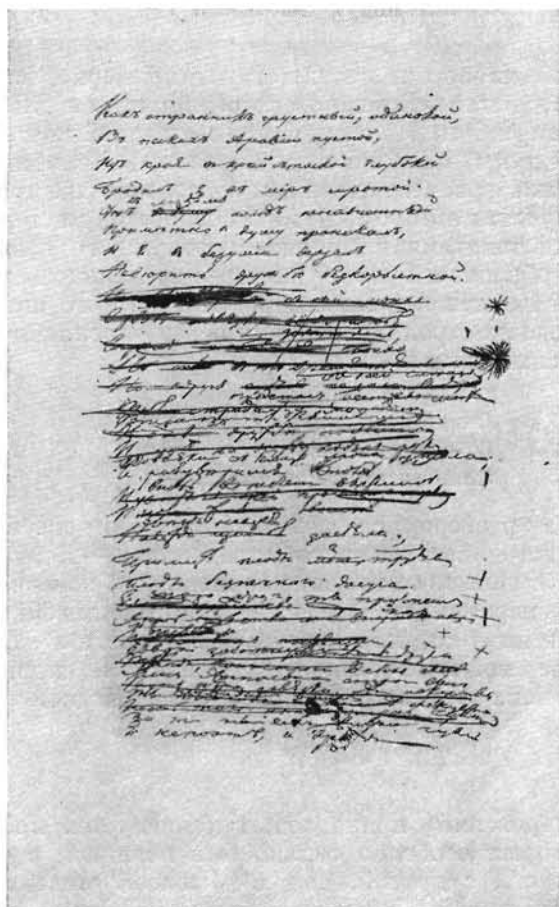
Будь ласков, дедушка, ко мне;
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью, в стороне,
К земле склонившись, крест унылый?
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище,
Часовня древняя вдали
И обветшалое жилище...
С могилы две стези бегут;
Одна бежит по кособогу
Под тот бревенчатый приют,
Другая змейкой вьется к бору.
Березов мне не край родной;
Сюда я брошена судьбою,
Скажи ж страдалице младой,
Над чьей могилою простою
Стоит под елью крест простой?

На обороте листка, занятого этой скупой экспозицией Березова⁸, сохранились исчерканные наброски стихов, посвященных другой «младой страдалице», закончившей свои дни в сибирской ссылке, — мы имеем в виду строки новой поэмы о первых встречах Войнаровского с его героической подругой:

Я помню радость девы нежной,
Когда в хранительную сень *
Был я, страдалец безнадежный,
Снесен к отцу ее в курень.
[Томим болезнию жестокой,
Как цвет в степи я увядал,

* Первоначально: Когда я с братьями ее

Уж встать с одра я не мечтал;
Но мне * в казачке черноокой
Творец спасителя послал]
С какой заботою ходила
Она за вянущим больным **,

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ПОСВЯЩЕНИЯ
А. А. ВЕСТУЖЕВУ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»,
1823 — 1824 г.г.

Центральный исторический архив, Москва

С каким участием живым
Мои желания ловила,
Чтоб их заране упреждать.
[В час моего успокоенья

* Первоначально: Но бог

** Первоначально:

- а) С какой заботливостью милой
Она ходила вокруг меня
- б) С какой заботою отрадной
Она ходила за больным
- в) С какой заботою отрадной
Она за [стр<аждающим?>] вянущим больным

Она ходила собирать
 Степные травы и коренья,
 Чтоб ими друга врачевать].*
 Я все утехы наход<ил> **
 В <моей> казачке черноокой, ***
 В ее словах я нектар пил ****
 И облегчил недуг жестокий⁹.

Этот черновой набросок, соответствуя, примерно, стихам 405—424 окончательной редакции «Войнаровского», интересен для нас не только потому, что время работы Рылеева над его отделкой почти неотделимо от даты написания думы «Меншиков в Березове». Не в меньшей степени этот лиро-эпический фрагмент ценен как показатель еще продолжающегося пристального изучения автором «Дум» особенностей мастерства Пушкина. Робкая имитация тематики и приемов поэтического языка «Руслана и Людмилы» в «Ольбровне и Русле» уже через несколько месяцев сменяется освоением деталей стиля и композиции «Кавказского пленника». Из нескольких пушкинских строк о появлении перед «пленником безнадежным» его будущей спасительницы—

Очнулся русский. Перед ним,
 С приветом нежным и немым,
 Стоит черкешенка младая —

в поэме Рылеева развернулся целый эпизод о спасении «казачкой черноокой» другого «безнадежного страдальца» — Войнаровского. Это подражательное лирическое отступление являлось, конечно, для Рылеева только «пробой пера» и не имело значения в дальнейшем разворачивании основной темы, но, характеризуя генеалогию «Войнаровского», исследователь не может пройти мимо наброска, принадлежащего к числу самых ранних фрагментов первой политической поэмы Рылеева.

III

Поэма «Войнаровский» принадлежит к числу тех произведений Рылеева, текст которых особенно сильно был искажен, с одной стороны, цензурой 1820-х гг., с другой, еще в большей степени, — авторскими приспособлениями к ней. Поэту о многом приходилось говорить только «намеками, тем эзоповским, — проклятым эзоповским — языком, к которому, — по известному выражению В. И. Ленина, — царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для „легального“ произведения»¹⁰.

«Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского, — писал Рылеев 10 марта 1825 г. Пушкину. — По некоторым местам ты догадываешься, что он несколько ошипан. Делать нечего. Суди, но не кляни». А в начале июня того же года, отвечая на критику Пушкина, Рылеев признавал правильность полученных замечаний: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на „Войнаровского“. Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он, точно,

* Это зачеркнутое четверостишие точно соответствует стихам 421—424 окончательной редакции поэмы, то есть не забраковано автором, а перенесено через две строфы вперед.

** Далее зачеркнуто: Недуг и тяжкой и жестокой

*** Первоначально: Но я в казачке черноокой

**** Первоначально: В ее очах я слезы пил

истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова».

Ошибки, о которых шла речь в переписке Рылеева и Пушкина, имели в виду дефекты самого замысла и внутренней структуры «Войнаровского»,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»

Рисунок М. С. Знаменского, 1860—1870 гг.

Исторический музей, Москва

неустранимые без коренной ломки поэмы. Мы знаем, что Рылеев, увлеченный новыми замыслами, не имел уже в 1825 г. ни времени, ни охоты для возвращения к первой своей поэме. Но если переработка «Войнаровского» и не входила в творческие планы Рылеева, он не мог оставаться равнодушным к тому, что его поэма, несмотря на принесенные им жертвы, оказалась все же варварски «оципанной» цензурой в самых ответственных своих местах. Можно поэтому не сомневаться, что автор сам

выправил значительную часть тех экземпляров отдельного издания «Войнаровского», которые предназначались для его ближайших друзей. Ни один из дарственных экземпляров поэмы еще не обнаружен, но сделанные в них исправления, став известными тем или иным путем широкому кругу единомышленников Рыльева, успели еще при его жизни, судя по некоторым спискам поэмы, войти в массовый литературный оборот.

Пробелы и искажения печатного текста были настолько очевидны, что передовые читатели охотнее пользовались рукописными копиями поэмы, чем изданием 1825 г.

Исследователь текста «Войнаровского» не может не учитывать и факта распространения списков поэмы до ее опубликования. Об этом открыто, например, писал Булгарин, отмечая в «Северной пчеле» (1825), что поэма Рыльева «долго ходила по рукам в рукописи»¹¹. Об этом же свидетельствует и одно из писем декабриста П. А. Муханова, подробно информировавшего Рыльева о том, как реагировали в Одессе на список еще даже неоконченного «Войнаровского» Пушкин и М. Ф. Орлов весной 1824 г.¹²

Число копий поэмы было так велико, что, несмотря на массовое уничтожение всех печатных и рукописных произведений Рыльева после 14 декабря, в центральных и областных архивохранилищах Советского Союза насчитывается более сотни списков «Войнаровского», разной степени авторитетности, давности и полноты. На основании тех или иных из этих списков (не всегда самых авторитетных) и производилась в течение почти столетия правка текста «Войнаровского» во всех собраниях сочинений Рыльева¹³. Разумеется, если бы мы располагали автографом окончательной редакции поэмы, уяснение значимости тех или иных поправок, внесенных переписчиками Рыльева в печатный текст «Войнаровского», не представляло бы большого интереса. Но, при отсутствии подлинной авторской рукописи, задача освобождения текста «Войнаровского» от цензурных искажений не может быть разрешена без предварительного критического учета и анализа всех его списков. Эта же работа требует для своего успешного завершения внесения полной ясности в вопрос о всех утраченных и сохранившихся первоисточниках известных нам разночтений поэмы¹⁴. Круг этих первоисточников до недавнего времени был крайне ограничен. До нас не дошел, как известно, беловой автограф окончательной редакции «Войнаровского» (текст этот, разумеется, не совпадал с рукописью, представленной в конце 1824 г. в Московский цензурный комитет). Однако с полной определенностью можно утверждать, что беловой автограф «Войнаровского» исчез не совсем бесследно: именно он был в числе тех рукописей Рыльева, которые выкрал из архива Следственной комиссии по делу декабристов один из сотрудников этой Комиссии — А. А. Ивановский¹⁵. Правда, в числе бумаг Рыльева из собрания Ивановского, которые печатались в 1888—1889 гг. на страницах «Вестника Европы» и «Русской старины», а затем поступили на хранение в Пушкинский дом, автографа «Войнаровского» уже не оказалось, но возможность находки его в том или ином из архивов не лишена вероятности. Не исключена надежда и на существование копий с этого автографа. Мы основываемся на письме молодого литератора А. П. Бочкова, который под впечатлением тех литературных раритетов, с которыми познакомил его Ивановский, писал последнему в конце 1826 г.: «Я думаю, мудроно сыскать таких страстных, как мы с вами, любителей литературных конфет, только у вас всегда свежие — из тех, которые иногда от времени делаются черствыми, и самые лучшие (т. е. самые верные, напр., „Войнаровский“) — из тех, которые никогда не мокут и не сохнут, и еще не бывавшие в тисках у цензуры»¹⁶.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛЬЕВА.

МОСКВА.

1825.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ страшишь грустною, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустошъ,
Изъ края край съ пеской глубокой
Бродилъ я въ міръ сироты.
Ужь и лядинамъ холода невинистой
Примѣтно въ Душу проиналъ,
И я въ безуміи деревья
Не вбрызнь дружбы безкорысткой.
Незаметно ты явился мнѣ;
Повѣзна съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрлася вполнѣ,
И вновь въ небесной вышкѣ
Завѣда надежды заснула.

Примишь плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всею заботливостью друга.
Какъ Аполоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыхъ чувствъ;
Я не Поэтъ, а Гражданинъ.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКІЙ», 1825 г.
Обложка книги и страница с посвящением А. А. Бестужеву

Потеря автографа окончательной редакции поэмы, бывшего в распоряжении А. А. Ивановского и А. П. Бочкова, была бы не так чувствительна, если бы мы располагали черновыми рукописями поэмы или хотя бы фрагментами наиболее значительных ее частей. Однако и в этом отношении история текста «Войнаровского» документируется очень скудно.

Из беловых автографов отдельных эпизодов «Войнаровского» специалистам известен только один — «Беседа Войнаровского с Мазепой». Эти строки, соответствующие стихам 457—524 печатного текста, вписаны были в 1823 г. Рылеевым в альбом С. Д. Пономаревой. В этой случайной записи полностью дошла до нас и та замечательная строфа, которая была обезображена в издании 1825 г. отсутствием последнего стиха:

Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем,
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем¹⁷.

Из черновиков «Войнаровского» в распоряжении исследователей некоторое время был лишь один случайный набросок, отражавший процесс создания и отделки стихов 405—424 печатного текста (см. об этом автографе стр. 38—40). Все же данные о начальной редакции поэмы исчерпывались автографом ее первых 226 стихов, перебеленных Рылеевым для чтения в заседании С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, состоявшемся 22 мая 1823 г.¹⁸ Выписка эта была снабжена заголовком, который и позволил нам установить ее назначение: «Ссылный. Отрывки из поэмы „Войнаровский“». В письме же А. А. Бестужева от 23 мая 1823 г. к П. А. Вяземскому об успехе выступления Рылеева в Вольном обществе отмечалось именно это название прочитанной части поэмы: «Рылеева „Ссылный“ полон благородных чувств и разных возвышенных мыслей»¹⁹.

IV

По-новому творческую историю «Войнаровского» позволяют осветить рукописи поэмы, обнаруженные в 1950 г. при разборке архива Якушкиных. Правда, беловых автографов последней редакции «Войнаровского» и в этом фонде бумаг Рылеева не оказалось, но все прочие стадии его работы над поэмой обозначились в новых материалах весьма выразительно, начиная от самых ранних черновых набросков и заготовок отдельных строф и кончая перебеленными на особых листах фрагментами основных разделов повествования²⁰.

Из 1084 стихов печатного текста «Войнаровского» мы имеем возможность после вхождения в научный оборот новой части архива Рылеева возвести к автографам начальной редакции (иногда к беловым, чаще к черновым) всего 612 строк²¹: стт. 1—239, 299—545, 589—696, 1001—1014, 1021—1024.

Многие из этих строк «Войнаровского» имеют ряд существенных отличий от общеизвестного печатного текста, в том числе и в стихах, явно искаженных цензурой в издании 1825 г. Таковы, например, стт. 652, 1005, 1006, 1008.

К числу дефектов печатного текста, вызванных цензурными требованиями, мы относим и отсутствие в издании 1825 г. пяти строк о самоубийстве, как акте, не достойном подлинного революционера. Место этих стихов, как свидетельствует автограф, между 1014 и 1015 стихами.

По-новому должны печататься сейчас в основном тексте «Войнаровского» следующие строки, выделяемые нами курсивом:

Стг. 649—652

О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага
Настал конец святой борьбе²².*

Стг. 1003—1014

*Чтить Брута с детства я привык; ***
Защитник Рима благородный,
С душою истинно свободной,
*В делах он истинно велик.****
Но он достоин укоризны;
*Свободу сам он погубил****:*
Он торжество врагов отчизны *****;
Самоубийством утвердил...
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнание тяжела;
Мне б смерть отрадою была...
Но жизнь и смерть я презираю.
Сей мир тогда б лишь от себя
Самоубийством я избавил,
Когда бы, совесть погубя,
Себя, в порыве страсти, я
Бесчестным делом обесславил²³.

Большое значение имеет и рукописный вариант стг. 600—604, подтверждающий правильность реконструкции первого из них во многих списках поэмы и заодно позволяющий поставить вопрос об учете в основном тексте «Войнаровского» и прочих показаний этого автографа ²⁴:

*Так мы, свои разрушив цепи,******
*На глас свободы и вождей,******
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы,
Среди отеческих полей*****.

Не менее интересен рукописный вариант ст. 656 в строфе о раздумьях предателя Мазепы после полтавской битвы:

Одно мгновенье всё решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой...²⁵

* В первопечатном тексте: Уже настал конец борьбе

** В первопечатном тексте: Чтить славных с детства я привык

*** В первопечатном тексте: Душою истинно свободный,
Делами истинно велик

**** В первопечатном тексте: Сограждан сам он погубил

***** Зачеркнутый вариант: Он деспотизм врагов отчизны

***** В первопечатном тексте эта строка отсутствует.

***** В первопечатном тексте: На глас отчизны и вождей

***** В первопечатном тексте: Среди отеческих степей.

В дореволюционных изданиях «Войнаровского» последний из этих стихов обычно печатался в редакции, предложенной П. А. Ефремовым в 1871 г.:

Свободу, славу и покой²⁶.

Возможно, что этот вариант и восходит к какой-нибудь из рукописей «Войнаровского», но впредь до ее обнаружения мы не имеем оснований отвергать чтение этого стиха, установленное Рылсевым в «Полярной звезде» на 1824 г., подтвержденное автографом начальной редакции «Войнаровского» и, наконец, закреплённое в авторитетнейших списках поэмы.

Не останавливаясь на анализе прочих вариантов, характеризующих процесс создания «Войнаровского», но не уточняющих его окончательный текст, мы считаем необходимым особо отметить наличие в новых рукописях Рылеева большого материала, относящегося к оформлению пейзажно-этнографического введения к поэме. Из 156 стихов первой редакции этой части «Войнаровского» в окончательный текст поэмы перешло 135. Изъятию подверглись четыре стиха, характеризовавшие якутскую ярмарку (они следовали в автографе за ст. 38), и семнадцать строк, в которых сибирская весна противопоставлялась «иным временам года» (эти строки находились в рукописи между стт. 51 и 52 печатного текста):

<1>

Везде товары дорогие —
Лисицы, соболи, песцы,
И к ним спеша, в толпы густые
Теснятся бойкие купцы...²⁷.

<2>

Во времена ж иные года
Все мертво в сей стране глухой,
Как грозная ее природа,
Мертва жестокою зимой.
Уныло все в стране пустынной,
И все питает мрачность дум:
Дубров и Лены дикий шум,
Изгнанник гордый, но невинный,
Иль дерзкий и преступный ум.
Безлюдного, глухого края
Порой нарушат тихой мир,
Иль ветер, верхи дерев качая,
Иль полудикий юкагир,
Стремящийся на лыжах птицей,
С готовой на луку стрелой,
За чернобурою лисицей
Или за ланью молодой²⁸.

С тематикой этих строк связан и зачеркнутый набросок:

Настала промыслов пора!
Но страшно воеет лес дремучий,
Пирамидальная гора
Оделась [в дождевые]* тучи²⁹.

В обоих вариантах первой редакции «Войнаровского» отсутствовало, как известно, печатное четверостишие о якутских белых ночах (стт. 128—131):

* Написано и зачеркнуто: в громовые

Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»

С картины В. В. Савича

«Нива», 1885 г., № 2

К этому же месту поэмы относились, вероятно, и строки о северном
иянии:

Нередко в полночь любовался,*
Священным ужасом объят,
Как свод небесный загорался³⁰.

Продолжения этот набросок не имел.

Декабрист В. И. Штейнгель, вспоминая о тех беседах, которые он вел
Рылеевым летом 1823 г., отмечал, что автор «Войнаровского» просил

* Первоначально: Нередко ужасом священным

его, как старого сибиряка, специально «прослушать то место поэмы», в котором речь шла о Якутске, дабы избежать «погрешностей против местности»³¹. Можно думать, что некоторые из отмеченных нами описательных строф в прологе к «Войнаровскому» были частью уничтожены, частью выправлены и дополнены по совету именно Штейнгеля.

Вновь найденные рукописи «Войнаровского», как мы уже отмечали, представляют собою, в основном, не начальные черновики, а перебеленные тексты отдельных частей первой редакции поэмы. Исследователей творчества Рылеева не могут не занимать вопросы, когда и кем эти автографы оказались изъятыми из архива поэта-декабриста и в какой степени полноты дошел его архив до наших дней. В зависимости от того или иного ответа на эти вопросы определяются и перспективы дальнейших разысканий утраченных рукописей Рылеева в государственных и частных архивах. О возможностях же успеха этих розысков свидетельствует неизданное письмо П. А. Ефремова, редактора первого русского легального издания «Сочинений и переписки К. Ф. Рылеева», к С. С. Сухонину, редактору журнала «Всемирный вестник». Поводом для этого письма, датированного 15 января 1905 г., послужила газетная информация о предстоящем выходе в свет нового полного собрания сочинений Рылеева (это издание являлось бесплатным приложением к «Всемирному вестнику»). Хорошо понимая, что в основу нового сборника произведений Рылеева будет положен их старый подцензурный текст³², П. А. Ефремов отметил в письме к Сухонину важнейшие из вольных и невольных ошибок своего издания и заодно рекомендовал внести в текст Рылеева несколько дополнений и поправок на основании тех рукописей, с которыми он, Ефремов, познакомился после 1874 г. в архиве Н. И. Пущина³³. Не успев своевременно использовать эти материалы в своей редакционной работе, Ефремов ничего не знал о дальнейшей судьбе бумаг Рылеева из собрания его внука и оперировал лишь своими старыми выписками из них. Однако в виду того, что почти все цитаты Ефремова точно соответствовали автографам, обнаруженным в 1950 г. в архиве Якушкиных (черновые тексты «Войнаровского», дополнительная строфа думы «Ольга при могиле Игоря»), или материалам, вышедшим из этого же архива раньше (фрагмент перевода баллады Мицкевича «Лилии»: «Жена грех тяжкий сотворила»)³⁴, мы можем предположить, что бумаги, оказавшиеся после Октябрьской революции в распоряжении Е. Е. Якушкина, представляли собою часть литературного архива Рылеева, принадлежавшего его вдове, а затем дочери и внуку — Н. И. Пущину. В числе выписок из «Войнаровского», сделанных П. А. Ефремовым для С. С. Сухонина, были строки, извлеченные из тех листов чернового автографа поэмы, которых в 1950 г. на месте уже не оказалось. Кем и когда были изъяты эти листы, соответствовавшие стихам 860—947 второй части «Войнаровского», установить трудно; до их находки выписки Ефремова получают значение первоисточника для следующих вариантов текста поэмы:

Стг. 860—863:

Раз у Якутской юрты я
Стоял под елью одинокой;
Метель шумела вокруг меня,
И свирепел мороз жестокий.

Стг. 867:

Сливался синий свод небес.

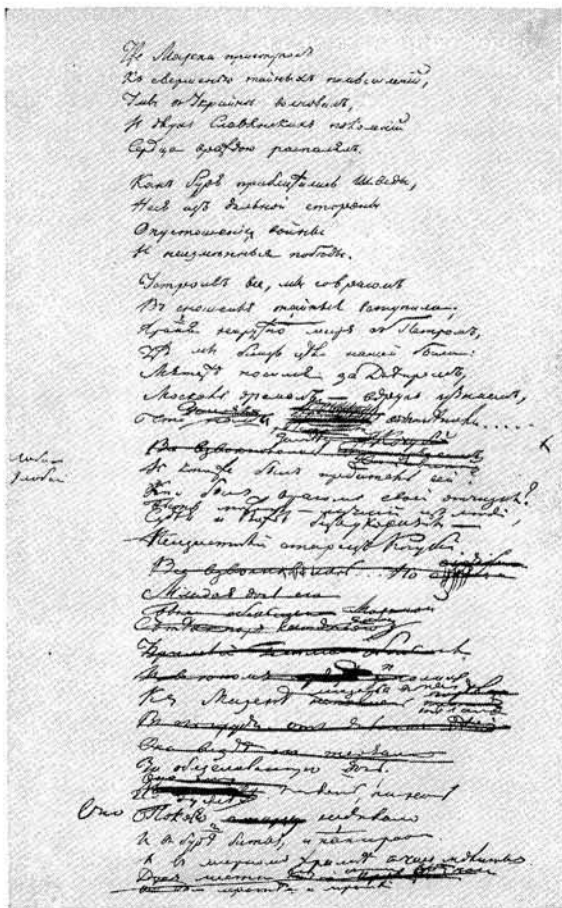
Стг. 924—925:

О прежних говорили днях,
О славном дяде, о детях.

Стт. 943—947

Она умолкла. Вдруг приметно
Несчастной сделалось трудней,
И, наконец, взглянув ясней,
Она с улыбкою приветной,
Увела в цвете юных лет.

Беспорному учету в основном тексте поэмы подлежит из всех этих стихов лишь 925-й («О славном дяде»; вм. «О падшем дяде»). Все же прочие

АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОГО ОТРЫВКА ПОЭМЫ
«ВОЙНАРОВСКИЙ», 1823—1824 гг.

Центральный исторический архив, Москва

стихи (несмотря на то, что сам Ефремов считал их необходимой принадлежностью основного текста, равнозначными тем стихам черновой рукописи, которые явно были искажены цензурой) мы рассматриваем лишь как начальные варианты рукописи³⁵. Первопечатный текст этих совершенно нейтральных в политическом отношении строк более авторитетен («Стоял под сосной одинокой»; «Буря шумел вокруг меня»; «Сливался темный свод небес»; «Стал угасать огонь очей»; «И, наконец, вздохнув сильней»), так как отражает последний этап работы Рыльева над поэмой и не имеет следов цензурного вмешательства в его тексты.

V

Пушкин в одной из заметок о «Полтаве» вспоминал:
 «Прочитав в первый раз в „Войнаровском“ сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
 И обольщенную их дочь —

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было непростительно»³⁶.

Пушкин был, однако, не совсем прав. Рылеев, работая над «Войнаровским», вовсе не прошел мимо того эпизода биографии Мазепы, который был связан с именами Кочубея и его дочери.

В той части архива Рылеева, которая сейчас обнаружена в фонде Якушкиных, среди черновых набросков первой редакции «Войнаровского» сохранились фрагменты эпизода, изъятые автором из окончательного текста поэмы. Эти строфы сохранились и в виде начальных черновых набросков³⁷ и в совершенно законченной редакции, перебеленной поэтом на особом листе³⁸. Приводим последнюю полностью:

Уже Мазепа приступал
 К свершенью тайных помышлений,
 Умы в Украине волновал,
 И двух славянских поколений
 Сердца враждою распалал.

Как буря, приближались шведы,
 Неся из дальней стороны
 Опустошения войны
 И неизменные победы.

Устроив все, мы со врагом
 В сношенья тайные вступили,
 Наружно мир храня с Петром,
 Уж мы близ цели нашей были:
 Мятеж носился за Днепром,
 Москаль дремал — вдруг узнаем,
 Что наши замыслы открыли.*

И кто же был предатель сей?
 Кто был врагом своей отчизны?***
 Быть может, лучший из людей,
 Судья и вождь без укоризны —
 Несчастный старец Кочубей.***

К Мазепе мщенье в нем пылало ****
 За обесславленную дочь;

* Варианты чернового автографа: а) Что земляки нам изменили; б) Что нам коварно изменили

** Варианты чернового автографа: а) Все взволновались... Гетман сам; б) Все взволновались... Кочубей; в) Все взволновались. Кто ж вино<ю?>

*** После этой строки в черновом автографе зачеркнуто: а) Все взволновалось, / Но судьбина; б) Младая дочь его <пробел в автографе> / Была обольщена Мазепой; в) С тех пор как дочь его <младую?> / Угрюмый гетман обольстил / И в юном сердце запалил

**** В черновом автографе зачеркнуто: К Мазепе ненависть пылала / В его груди от давних [лет] дней / Она везде его терзала

Его душе ни день, ни ночь *
Оно покоя не давало.

И на пирах, и в буре битв,
И в мирном храме в час молитв **
Дух мести дикой, кровожадной,
Кровь Кочубея волновал
И сердце старца наполнял
Тоской и злобой безотрадной.

Он с каждым днем <был все> мрачней,
Он всех чуждался, всех дичился,
Страдал и, наконец, решился
На склоне непорочных дней,
Поправ закон священной чести,
Принести с Мазепой в жертву мести
Свободу родины своей ***.

Все на Украине взволновались...
И под шатром, и в слободах;
Недоумение и страх
У всех на лицах выражались.

В черновом автографе эти строфы о кознях Мазепы имели продолжение ****:

Как запорожец ***** утлый челн
Средь разъяренных в бурю волн
От верной гибели спасает
[Мазепа гибель отвращает].
Всё вдруг прием<лет>вид иной,
Враги добра ***** трепещут в страхе.

Мы не можем сказать с полной определенностью, к какому именно месту «Войнаровского» относится этот эпизод. В рукописи его черновики органически не связаны ни с предшествующим, ни с последующим текстом поэмы, а для процесса работы Рылеева характерно не строго последовательное развертывание начального плана, а обращение к разработке отдельных эпизодов вне определенной исторической или логической их последовательности. Таковы, например, черновые фрагменты поэм «Наливайко» и «Гайдамак», заготовки отдельных строф для ненаписанных дум — «На горной крутизне берегов/Стоит во мраке холм Олегов», «Повсюду вопли, стоны, крики/Над белокаменной Москвой», «Сидел лишь Миних одинок» и т. д. Возможно, что история заговора Мазепы, включая в нее материалы о Кочубее, его жене и дочери, должна была бы составить особую часть поэмы, заняв место между первым и вторым разделами ее окончательной редакции. Следы начального плана свернутого поэтом в процессе написания поэмы, остались и в ее оконча-

* В черновом автографе зачеркнуто: И старику ни день, ни ночь

** В черновом автографе зачеркнуто: Он был мрачнее и мрачней

*** В черновом автографе далее зачеркнуто: а) Но нас в сей раз спасла судьбина;
б) Он в наши замыслы проникнул; в) Тревожим местию свирепой; г) При этой вести роковой; д) При сем известии роковым

**** Первый вариант этого продолжения в автографе зачеркнут:

Один Мазепа был покоен,
Предупредить грозу спеша.
Петра Великого душа
Была чиста от подозренья.

***** Первоначально: Как смелый кормчий

***** Первоначально: Враги отчины

тельном тексте. Мы имеем в виду два эпизода в рассказе Войнаровского (стт. 747—750 и 771—774) о предсмертных муках предателя:

И, взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

.

То трепеща и цепenea,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь ³⁹.

Эти строфы, никак не подготовленные ни предыдущим изложением событий, ни последующим объяснением их (ни Кочубей, ни его жена и дочь, ни Искра в общеизвестном тексте «Войнаровского» больше не встречаются), являлись фрагментами неизвестной еще нам полностью первой редакции поэмы.

В рукописях Рыльева, среди черновых набросков и заготовок к «Войнаровскому», сохранился еще один след начального замысла поэмы. Мы имеем в виду фрагмент характеристики союзника Мазепы, короля Карла XII:

Суровый Карл и на пирах
Задумчив был; в его чертах
Души тревога * выражалась;
Лишь пред опасностью являлась
Улыбка на его устах.
Так зол предвестница для света,
Вдруг появляется комета
В глухую ночь на небесах.**
С таким вождем, с такою силой
Противу грозных сил Петра
Нам унывать не должно было ⁴⁰.

Отказавшись от начального плана поэмы, Рылеев пытался спасти эти строфы, переместив их в характеристику Мазепы в первой части «Войнаровского» ⁴¹:

Угрюмый, мрачный на пирах ***
Он был суров ****. В его чертах
Души тревога выражалась;
Лишь пред опасностью являлась
Улыбка на его устах,
Так зол ***** предвестница для света,
Вдруг появляется комета
В глухую ночь на небесах...
Его беседа заражала,
Как язва моровая, всех *****.

* Над словом тревога—вариант: суровость. Но в первом стихе эпитет суровый остался не замененным, ввиду чего мы оставляем в основном тексте — тревога.

** После этих строк зачеркнуто два варианта начала следующей строфы:

а) Его душа алкала славы/Томила жаждою побед; б) Упорный в замыслах своих

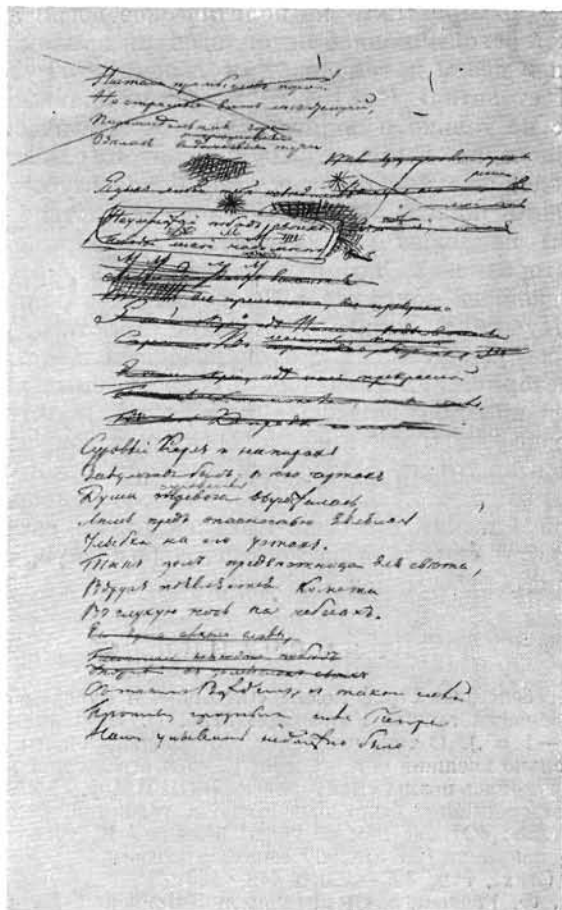
*** Первоначально: И чужд веселья на пирах

**** Первоначально: Он был угрюм

***** Первоначально: Так бед

***** Зачеркнутые варианты: а) Слова, как язва моровая; б) Его порочная беседа / Как язва заражала всех

Почему же, однако, Рылеев отказался от своего раннего плана? Чем объяснить столь резкое сужение первооснов фабулы «Войнаровского»? Мы полагаем, что в самом начале своей работы над поэмой Рылеев понял, что исторически правдивая трактовка борьбы Кочубея с Мазепой неизбежно должна была бы снизить образ последнего, а всякая попытка отрицательной интерпретации Кочубея как разоблачителя предателя

АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОГО ОТРЫВКА ПОЭМЫ
«ВОЙНАРОВСКИЙ», 1823–1824 гг.

Центральный исторический архив, Москва

никак не могла бы рассчитывать на сочувствие передового русского читателя. Неслучайно ведь П. А. Катенин, под впечатлением «Войнаровского», писал 26 января 1825 г. критику Н. И. Бахтину: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катеном»⁴². Исторически несостоятельной была, однако, не только характеристика Мазепы в поэме Рылеева. Столь же произвольной была и трактовка в ней основных фактов политической биографии Войнаровского. В специальной статье А. А. Бестужева «Жизнеописание Войнаровского», приложенной к первому отдельному изданию поэмы Рылеева, «герой» последней характеризовался как один из виднейших представителей украинской старшины, ближайший соратник Мазепы, участник всех его «тайных замыслов» и предательских действий. Рылеев изменил этот образ до

неузнаваемости. Его Войнаровский — пламенный борец за свободу, революционер и патриот, слепо чтущий в деспоте и предателе Мазене вождя народа и не подозревающий о его бессовестной политической игре. Именно такое толкование образа Войнаровского и позволило Рылееву превратить своего героя, современника царя Петра, в рупор революционной пропаганды декабристов.

Одно из первых авторитетных свидетельств об исключительном воздействии поэмы «Войнаровский» на политическое воспитание нескольких поколений русской революционной интеллигенции принадлежит Н. П. Огареву. Именно он в своем предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861 г.)⁴³ впервые правильно поставил и разрешил вопрос не только о политической и эстетической значимости литературного наследия Рылеева, но и «святой односторонности» его творческого метода, еще не созревшего для более глубокого охвата «разнообразных явлений жизни». Как неизбежное следствие непреодоленной «односторонности» надлежит рассматривать и пренебрежение принципами конкретного историзма в поэме «Войнаровский», осужденное Пушкиным в его позднейшей полемике с Рылеевым на страницах «Полтавы».

Мастерство Пушкина, как и мастерство Толстого, это мастерство раскрытия самых существенных сторон действительности, самых существенных черт исторических характеров, показываемых не декларативно, не статично, а в живом действии, в конкретной политической борьбе. В своей трактовке вдохновителей и организаторов заговора 1709 г. Пушкин опирался на тот же фактический материал, которым располагал и Рылеев — на политическую и интимно-бытовую биографию Мазены в «Истории Малой России» Бантыша-Каменского, но самая мера познания великого поэта-реалиста была много глубже и шире, чем у романтика Рылеева в пору его работы над «Войнаровским».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Автограф перебеленных строф поэмы «Ольбровн и Русла» обнаружен в 1950 г. в неизвестной ранее части архива Рылеева (ЦГИА, ф. Якушкиных, № 279, оп. 1, ед. хр. 274, л. 1—1 об.). О том, что текст этот предназначался для печати, свидетельствует не только внешний вид автографа, но и его заголовок: «Отрывок».

² В черновую рукопись поэмы «Войнаровский» (ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269, л. 12 об.) это четверостишие было перенесено в редакцию, более близкую тексту «Ольбровн и Русль»: «От нас как от грозы бежали / И, трепеща постыдных уз, / Постыдной данью покупали / И дружбу нашу, и союз».

³ Рылеев. Стих., стр. 399—400 и 448—450.

⁴ Послание В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев» («Итак я здесь, за стражей я...») имеет в автографе дату: 28 марта 1822 г. Время выхода в свет поэмы «Кавказский пленник» — конец августа 1822 г. Раевский хорошо знал, конечно, поэму Пушкина в одной из ранних ее редакций.

⁵ «Голос минувшего», 1917, № 7-8, стр. 89. (Копия, обнаруженная в январе 1827 г. в Харькове, в бумагах поручика Лансберга). Послание В. Ф. Раевского известно в двух редакциях, в одной из которых, цитируемой нами, поэт говорит полным голосом, в другой снимает самые резкие из своих литературно-политических формулировок, рассчитывая использовать новый вариант своего произведения в целях смягчения грозившего ему сурового приговора военного суда. Мы имеем в виду строки о «святой кротости кесаря» и т. п. Предположение М. А. Цявловского о том, что «революционная редакция» «Послания к друзьям» является вторым вариантом стихотворения, а «умеренно-либеральная» — первым («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. VI, 1941, стр. 42—44), противоречит всем известным нам фактам политической биографии Раевского 1822—1826 гг.

Рылеев имел совершенно определенное представление о Раевском не только как о поэте, но и как о революционере. Так, например, в показаниях декабриста Д. И. Завалишина от 16 марта 1826 г. отмечалось, что Рылеев, характеризуя силу Тайного общества и политическую выдержку его членов, говорил Завалишину: «Вот вам пример: майор Раевский третий год сидит в крепости, а не открыл никого из своего общества, да притом и общество в России не одно» (ВД, т. III, стр. 246). Призвав правильность показаний Завалишина, Рылеев 6 апреля 1826 г. указал и на источник своей

информации: «О майоре Раевском я также говорил ему <Завалишину>, слышав о том от князя Трубецкого» (ВД, т. III, стр. 260).

⁶ Эта формулировка дана была А. А. Бестужевым во «Взгляде на старую и новую словесность в России» и имела в виду «Думы» Рыльева.

⁷ Данные этого автографа, хранившегося в Чертковской библиотеке в Москве, впервые были учтены П. А. Ефремовым в «Сочинениях и переписке К. Ф. Рыльева». СПб., 1872, стр. 205 и 377. Ср. перечень автографов Рыльева, поступивших в Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в «Записках Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина», вып. III. М., 1939, стр. 5—8.

⁸ Автограф ЛБ (шифр М. 8416). — Исправленную и дополненную редакцию этого зачина поэмы «Меншиков в Березове» см. в книге: Рылеев. Стих., стр. 193—194 и 449. Традиционное толкование наброска «Будь ласков, дедушка, ко мне», как зачина недописанной думы, ошибочно.

⁹ Перебеленный и вновь исправленный текст этих стихов см. в рукописях поэмы «Войнаровский», л. 14.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 22, стр. 175.

¹¹ «Северная пчела», 1825, № 32, от 14 марта. — Трудности, связанные с получением разрешения на издание «Войнаровского» в Петербурге, обусловили печатание поэмы в Москве. См. новые данные об этом далее в письмах Рыльева к Вяземскому от 12 января и 20 февраля 1825 г. (стр. 144—145).

¹² Письмо П. А. Муханова к Рылеву от 13 апреля 1824 г. — сб. «Деятельный век», кн. I. М., 1872, стр. 368—369.

¹³ Рукописные копии «Войнаровского» лежат в основе всех существенных дополнений и уточнений, внесенных в текст этой поэмы как в первых русских и зарубежных изданиях сочинений Рыльева, так и в последнем опыте критической реконструкции текста «Войнаровского» (Рылеев. Стих., стр. 206—236 и 452—462). Редакторы новейших сборников произведений декабристов, механически перепечатывая условную реконструкцию текста «Войнаровского», обычно не оговаривают ни своего первоисточника, ни его существенных отличий от текста поэмы, опубликованного самим Рылевым в 1825 г. Таким образом, у читателя создается ложное представление о широких возможностях, которыми якобы располагали поэты-декабристы в легальной печати.

¹⁴ Рукописные копии поэмы «Войнаровский», как материал для установления критического текста поэмы, еще ни разу не являлись объектом изучения. Исключительно скупы и первые сведения о них в публикациях П. А. Ефремова и М. И. Семевского («Русская старина», 1871, № 4, стр. 485—524).

¹⁵ О фонде бумаг Рыльева, изъятых из дел Следственной комиссии 1825—1826 гг. А. А. Ивановским, см.: Рылеев. Стих., стр. VI.

¹⁶ «Русская старина», 1889, № 7, стр. 115. О Бочкове — см. «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 57—58.

¹⁷ Рылеев. Стих., стр. 452.

Стих «Борьба свободы с самовластьем», изъятый цензурой из издания 1825 г., но сохранившийся в автографе Рыльева и в старейших списках поэмы, впервые введен был в текст «Войнаровского» в 1861 г., в третьем берлинском издании поэмы (Ф. Шнейдера). Во всех зарубежных изданиях сочинений Рыльева этого стиха не было.

¹⁸ «Русская старина», 1871, № 4, стр. 513—519. — Факсимиле первого листа этой рукописи — см. в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей 1801—1825 гг.» СПб., 1871, стр. 32.

¹⁹ «Старина и новизна», кн. VIII. М., 1904, стр. 31.

²⁰ ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269. Рукописи «Войнаровского», лл. 1—16. — Порядок листов в этой подборке автографов «Войнаровского», не соответствуя их хронологии, отражает не логическую последовательность текстов, а случайности позднейшего их размещения.

²¹ Мы включаем сюда и 90 строк ранней редакции поэмы, известных по публикации П. А. Ефремова (стр. 136—226). Ср. Рылеев. Стих., стр. 452—454.

²² Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 16.

²³ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 15. — Последние четыре стиха в издании 1825 г. заменены многоточием. Ст. 1008 в редакции нашего автографа («Свободу сам он погубил») повторяется в старейших списках «Войнаровского»: 1) в альбоме П. И. Река (Отдел редких книг и рукописей Одесской государственной научной библиотеки, № 42). Дата альбома 1828 г. Сообщено М. М. Копыленко; 2) в тетради копий стихотворений Рыльева в архиве И. М. Фадеева (ЛБ. Фад. № 22). Дата списка — начало 30-х гг.; 3) в списке «Войнаровского» в тетради ЛБ (шифр ОР.47.2). Список 1839 г.

²⁴ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 15 об. — Ст. 600 в редакции «Так мы, свои разрушив цепи» был усугублен из рукописи отдельного издания поэмы ее московским цензором. См. воспроизведение этого листа на стр. 33 настоящего тома. В зарубежных изданиях «Войнаровского» (1857—1862 гг.) ст. 600 произвольно печатался: «И мы, порвав подданства цепи». Вариант автографа «Среди отеческих полей» представляется (ст. 604) нам более правильным, чем первопечатный: «Среди отеческих степей». Возможность здесь опiski или опечатки подтверждается

двукратным упоминанием слова «степи» в соседних стихах — 599 и 607 («Шумя, в неведомые степи» и «Я степи кровью обагрил»).

²⁵ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 16. В изд. 1825 г. стт. 655 и 656 заменены были цензурой двумя строками точек, а ст. 654 соответственно выправлен: «Одно мгновение нас сгубило». В первых зарубежных изданиях поэмы стт. 654 и 655 печатались: «Одно мгновение погубило / Отчизны моея родной».

²⁶ «Русская старина», 1871, № 4, стр. 503. Стих «Надежду, счастье и покой», замененный в изд. 1825 г., по требованию цензуры, рядом точек, в первых зарубежных изданиях «Войнаровского» (с 1857 по 1862 г.) печатался в редакции: «Надежду, славу и покой».

²⁷ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 1 об. — Строки эти не попали во второй вариант начала поэмы, перебеленный Рылеевым для чтения в Вольном обществе любителей российской словесности (см. стр. 44). Отмечаем важнейшие из прочих различий этой части новой рукописи:

37. И камчадал, и с пикой длинной

51. Чело тирана прояснит

53. Идет столь раннею порою

54. По берегу реки крутому

59. В своем наряде щегольском

81. Сказав, пошел по косягору

100. Седой Байкал пред бурным

122. И их отважные походы.

²⁸ Там же, л. 1 об. — Из этих 17 стихов Рылеев перенес во второй вариант начала поэмы (см. прим. 27) только первые четыре стиха, а остальные тринадцать перечеркнул. Но и эти четыре стиха подверглись затем той же участи.

²⁹ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 3.

³⁰ Там же, л. 4.

³¹ «Общественные движения», стр. 410.

³² См. далее сообщение Г. А. Рязанцева, стр. 341—342.

³³ П. А. Ефремов в письме к С. С. Сухонину с одинаковой тщательностью регистрировал и цензурные искажения и корректурные ошибки, вкравшиеся в текст «Войнаровского». С. С. Сухонин успел внести важнейшие из указанных ему поправок в редактированное им массовое «Собрание сочинений и переписки К. Ф. Рылеева». СПб., 1905, стр. 123, 130, 132, 133. Однако новые строки «Войнаровского» остались не замеченными читателями и не оставили никаких следов в литературе о Рылееве.

³⁴ Как свидетельствует запись в инвентарной книге Музея революции СССР, сообщенная нам Н. М. Дружининым, автограф семнадцати строк перевода баллады Мицкевича «Лилия» принесен был в дар Музею Е. Е. Якушкиным 27 ноября 1925 г. (№ 1659). Ср. ссылку письма П. А. Ефремова к С. С. Сухонину на неизданные строки этого автографа, с указанием на то, что они списаны «у внука Рылеева, Пушкина, с рукописей, которые нашлись у него уж по выходе моих изданий». Никаких упоминаний об этом эпизоде мы не находим в переписке Ефремова с А. К. и Н. И. Пушкиными («Летописи», стр. 288—298).

³⁵ Замена в ст. 861 рукописного варианта «ель» на «сосну» также не случайна, как и замена в стт. 37—38 варианта «И камчадал, и с пикой длинной / Сибирской строевой казак» на «Лесной тунгус и с пикой длинной / Сибирской строевой казак». О «погрешностях против местности» в этнографических и пейзажных частях поэмы, выправленных Рылеевым после прочтения «Войнаровского» Штейнгейлю, см. стр. 47—48.

³⁶ Пушкин, т. XI, стр. 160.

³⁷ Рукописи поэмы «Войнаровский», лл. 7 и 8 об. — оборот л. 7 и лицевая сторона л. 8 — чистые. Первые 16 стихов, записанные без помарок, точно соответствуют окончательному тексту. Со ст. 17 автограф представляет собою черновик.

³⁸ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 9. — оборот листа чистый.

³⁹ Строфы эти не вызывают сейчас недоумения читателей лишь потому, что события, о которых глухо упоминается в «Войнаровском», хорошо известны по передаче их в «Полтаве» Пушкина. Современники же Рылеева располагали специальной биографической справкой о Мазепе, приложенной к первому изданию «Войнаровского» (в эту «справку» входили данные и о ссоре Мазепы с Кочубеем).

⁴⁰ Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 3 («Суровый Карл и на пирах»). — На этом же листе зачеркнуто четверостишие: «Настала промыслов пора» (см. выше, стр. 46) и черновик мадригала «В альбом Т. С. К.» («Язык любви тебе не внятен»). На обороте листа три зачеркнутых стиха: «Среди пустынь родной страны / Давно замолкнул гром войны. / Погиб Мазепа, Карл убит».

⁴¹ Рукописи «Войнаровского», л. 10 («Угрюмый, мрачный, на пирах»). — На обороте этого листа исчерканный черновик мадригала «Своей любезностью опасной». В окончательном тексте «Войнаровского» эпитет «угрюмый» является одним из неизменных признаков образа Мазепы: «Угрюмый гетман», «Угрюмый с нами, он молчал», «С его угрюмого чела / Сбежало облако печали».

⁴² «Русская старина», 1911, № 6, стр. 594.

⁴³ Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. XLII.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРАГЕДИИ «ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

Статья А. Г. Цейтлина

11 октября 1943 г. «Правда» писала о Богдане Хмельницком: «Разрешению двух основных задач посвятил Богдан Хмельницкий свою жизнь: освобождению Украины от чужеземного ига и объединению Украины с Россией. Достижения этой цели он добивался со всей силой своей могучей воли, своей неистощимой энергии. На службу своей великой идее он поставил свой блестящий талант организатора, выдающиеся качества полководца и военачальника, свое искусство замечательного дипломата».

Писатели-декабристы, всегда относившиеся с горячим сочувствием к борьбе поработенных народов за свое национальное освобождение, неоднократно изображали Хмельницкого в своих художественных произведениях. Ф. Н. Глинка написал о нем роман «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия» (1819). Идейная концепция Ф. Н. Глинки была раскрыта уже в первых строках этого романа: «Взошло прекрасное весеннее солнце и осветило грозные стены и прелестные окрестности Чигирина. Весело пробуждались гордые литовцы, но с прискорбием взирали на свет дневной сыны Малороссии: первые господствовали, другие стонали под игом рабства». Декабрист Ф. Н. Глинка восторженно рассказывал о юном Хмельницком, о его стремлении к подвигам — герой, выдвинутый народом, Хмельницкий пользуется безграничным доверием восставших украинцев: «Является герой, вдохновенный небом, подкрепляемый счастьем. Он велит — и тысячи малороссийские повинуются ему...»¹

Вслед за романом Ф. Н. Глинки, написанным в духе революционного романтизма начала XIX в., созданы были стихотворные произведения о Хмельницком. Такова, в первую очередь, историческая дума Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанная 1 марта 1822 г. в газете А. Ф. Воейкова «Русский инвалид». Связь этой думы с историческим романом Ф. Н. Глинки проявилась даже в языке, не говоря уже об их общей идейной концепции².

В начале 1825 г. дума Рылеева «Богдан Хмельницкий» была перепечатана в сборнике «Думы». Однако образ славного украинского гетмана продолжал занимать Рылеева. «Очень рад, — писал он Пушкину 12 февраля 1825 г., — что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажешь»³. В поэме о Богдане Хмельницком Рылеев намерен был еще раз прославить героиню украинского освободительного движения во имя пропаганды декабристских идей. Широкое полотно поэмы «в шести песнях» давало Рылееву возможность на материале прошлого высказываться о политической борьбе его времени.

Эпоху Богдана Хмельницкого Рылеев изучал по тем же историческим источникам, какие уже помогли ему в работе над поэмой «Наливайко». Больше всего материала Рылеев почерпнул из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822). К этому трехтомному труду присоединилась рукописная «История руссов или Малой России» (которую долго приписывали Георгию Конисскому; в настоящее время некоторые исследователи называют ее автором Г. А. Полетику⁴). «История руссов» была напечатана лишь в 1846 г., однако она еще в двадцатые годы ходила по рукам в многочисленных списках. В октябре 1825 г. Рылеев получил выписки из этой рукописи от декабриста А. Ф. Бриггена⁵.

О содержании этих выписок мы можем лишь догадываться. Может быть, это был отрывок из речи Богдана Хмельницкого. «Мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия,— говорил Хмельницкий,— а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чад наших»⁶.

Изучение черновых автографов Рылеева, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве, показывает, что поэма о Хмельницком писалась одновременно с «Наливайко» и «Палеем». Отдельные эпизоды переносились поэтом из повествования в повествование от «Наливайко» к «Хмельницкому»:

Веет, веет, повеваает
Тихий ветер с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход <...>
[Лишь один всеведец знает,
Что Хмельницкий замыслиет...]

В этом отрывке, впервые публикуемом выше (стр. 26—28), Хмельницкий выступает как вождь казачьего войска:

Гетман степию широкой,
От полков на скакуне,
В мрачной думе, одинокой,
Тихо едет на коне.

Образ Хмельницкого сменяется образом другого гетмана:

Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

В третьем отрывке того же рылеевского автографа фигурирует имя третьего гетмана Украины:

Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как гихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сайгадашный
С дружиной буйных удалцов.

Таким образом, Рылеев начал писать о казацком походе, сам еще не зная точно, кого из трех украинских гетманов изобразит он стоящим во главе похода: Наливайко (конец XVI в.), Сагайдачного (начало XVII в.) или Хмельницкого (середина XVII в.). Для поэта это было и не очень важно: все три фигуры в несколько абстрактном, романтизированном изображении оказались бы, конечно, похожими одна на другую.

Работа Рылеева над поэмой о Хмельницком развивалась медленно. Что мешало ему создавать это произведение, мы не знаем. Можно думать, что замыслы «Наливайко» и «Палея» мешали замыслу третьей по счету поэмы. Уже в «Наливайко» и «Палее» вполне раскрылся и вольнолюбивый пафос Рылеева, и его горячее сочувствие национально-освободительной борьбе украинского народа. Более чем примечателен тот факт, что в архиве поэта не сохранилось ни одного литературного наброска, который имел бы прямое отношение к «Хмельницкому».

Примерно к лету 1825 г. замысел «Хмельницкого» претерпел существенные изменения: вместо поэмы Рылеев решил писать трагедию. Драматическая форма давала ему возможность полнее раскрыть политические

страсти, столкнуть между собой сильные характеры, изобразить историю Украины на самом бурном этапе ее национально-освободительной борьбы.

Осенью 1825 г. Рылеев уже начал работать над трагедией. Ф. Н. Глинка показал 15 февраля 1826 г. на следствии: «Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его *поэм*, также о трагедии „Богдан Хмельницкий“, которую начал писать, и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению»⁷.

Это свидетельство Ф. Н. Глинки относилось к последнему месяцу жизни Рылеева на свободе, точнее к концу ноября — началу декабря 1825 г. Оно интересно тем, что указывает на новые методы творческого труда, к которым Рылеев намеревался прибегнуть. В пору работы над думой «Богдан Хмельницкий», в которой не было и малой доли «местного колорита», Рылееву, конечно, незачем было «объезжать разные места Малороссии»⁸. Теперь же поездка в места, «где действовал сей гетман», оказалась для Рылеева необходимой, так как он собирался придать своей трагедии «историческую правдоподобность». Можно не сомневаться, что поездку на Украину Рылеев использовал бы для укрепления связи между двумя тайными обществами.

Второе, еще более важное и до сих пор не опубликованное свидетельство о «Хмельницком» принадлежит В. И. Штейнгелю. В его показании Следственной комиссии от 9 февраля 1826 г. говорится: «Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылевым к меньшому Ростовцеву на чтение отрывка из сочиненной им трагедии „Пожарский“, изготовленного для помещения в „Полярную звезду“, я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылевым пролога к его трагедии „Хмельницкий“, другого предмета разговора не было...».

Это показание В. И. Штейнгеля драгоценно. Из него явствует, что к середине ноября 1825 г. Рылеев уже написал пролог к новой трагедии. Глинка и Штейнгель не противоречат друг другу, их показания взаимно дополняют одно другое.

Что же мог читать Рылеев на вечере у «меньшого Ростовцева»? Ответить на этот вопрос нам позволяет впервые публикуемый здесь отрывок из драматического сочинения Рылеева¹⁰. Есть все основания считать этот отрывок прологом к трагедии о Хмельницком: других драматических замыслов Рылеева мы не знаем, а содержание данного отрывка явным образом относится к эпохе Хмельницкого. Отрывок начинается словом «Пролог»; повидимому, именно его Штейнгель и слышал в середине ноября 1825 г. из уст Рылеева.

Действие «Пролога» происходит на площади в Чигирине. Польский шляхтич Чаплицкий всеми средствами стремится получить с бедных украинских крестьян подати. Пока они не заплатят их, все православные храмы в городе будут закрыты и никаких церковных треб в них не будет совершаться. Действие «Пролога» начинается с того, что возмущенные крестьяне просят арендатора, выполняющего приказ Чаплицкого:

Ю р к о

⟨...⟩ дай ключи от церкви;
Лишь только хлеб сберем с свих полей,
Церковную мы подать всю внесем.
Теперь, ты знаешь сам, мы обнищали:
Кто лошадь, кто овцу, а кто пожитки
Последние из бедной хаты продал,

Чтоб только чинш Чаплицкому отдать.
 Вот уж прошло шесть воскресений сряду,
 Как в церковь нас ты не велел пускать;
 Священникам в парафиях * окрестных
 Ты отправлять все требы запретил:
 Недели три, как бог послал мне сына;
 Отец Карпо его крестить не смеет...

Н а ч ы п о р

Мой сын уж целый год Настусю любит,
 Ты обвенчать не позволяешь их.

С в ы р ы д

А у меня мать при смерти лежит
 И третий день всё исповеди просит <...>

Н а с т у с я

Будь ласков к нам...

Г р ы ц ь к о

Позволь нас обвенчать.

С в ы р ы д

Позволь отцу Карпу на хутор съездить;
 Божусь, внесем мы подать всю сполна.

Алчный арендатор, стремящийся нажиться на крестьянском горе, цинично заявляет:

Мне не слова, мне гроши ваши нужны.

Все крестьянское имущество «давно в закладе... иль отнято на пана подстарбсту». Но арендатор неумолим; крестьяне должны внести подать:

Ну, так займи... ведь твой сосед, Пылып,
 Недавно в дом из Сечи воротился.
 Я слышал, много он добычи разной
 Привез с собой — и в клуне закопал.
 Он даст тебе взаймы; он должен дать:
 В нужде должно друг другу помогать;
 А если он не даст, так ты...

«Так что?» — спрашивает арендатора возмущенный Свырыд. Тот издевательски отвечает Свырыду:

Ну, что?... ты разве глух и не слышал,
 Что он зарыл свою добычу в клуне...

Возмущенные казаки хотят расправиться с арендатором; тот вызывает на помощь польского офицера, по приказу которого Свырыда связывают и уводят.

С о т н и к

Что ж стали вы? связать его, скорей.

* П а р а ф и я х — приходах. — *Ред.*

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

С портрета маслом неизвестного художника XVII в.
Исторический музей, Москва

<С в ы р ы д>

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Жена арендатора уговаривает мужа бежать из Чигирина; ее пугает ненависть казаков. Тот отказывается бросить место, дающее ему значительные доходы. Оставшиеся на площади украинцы с негодованием говорят о гнете польских панов:

1-й малороссиянин

Ушли... Ну, вот, еще один погиб.
Эх, брат Юрко, прогневали мы бога,
Всем на Руси пришельцы завладели,
В своей земле житья мы не находим.*
Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
Бегу за Днепр к удалым запорожцам,
Чтоб притушить об кости дерзких ляхов
От деда мне доставшуюся саблю.
Прощай.

Г р ы ц ь к о

И я с тобой; благослови
Меня, отец; прощай, не плачь, Настуся.

Ю р к о

За Днепр... и я б туда, когда б не дети...
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Все отнято у нас: права, уряды,
Имения и даже церкви наши ограблены <...>

2-й малороссиянин

Уж, видно, так создателю угодно...

Ю р к о

Нет, нет; поверь, создатель зла не хочет;
Не он, не он виною бед Украины,
Но мы с своим терпением воловьим.
Нет головы, нет гетмана у нас.

* Далее зачеркнуто:

а) За то, что не хотим на униатство
Переменить мы веры православной,
И погубить свои навечно души;

б) Ю р к о
Уж видно так создателю угодно.
Прав стародавних нас лишили.
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Нет силы жить...

Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны.*
Теперь же все пошло у нас вверх дном...
И весь народ стал польским ясырем.

2-й малороссиянин

Опять католики без страха стали
Нас в унию насильно обращать,
И православную святую веру
Холопскою в глаза нам называть.

В 1596 г. на правобережной Украине польской шляхтой была введена так называемая «уния», навязавшая украинскому народу чуждые и ненавистные ему обряды католической церкви. Вот что Рылеев мог прочесть в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского о последствиях введения унии на Украине: «Униаты насильно присвоивали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви, прочие разоряли, запечатывали; ловили, мучили священников; разгоняли народ <...> Войска польские под предводительством коронного гетмана вступили в Малороссию»¹¹.

Польская шляхта завладела лучшими землями на правобережной Украине и начала осуществлять жесточайшую эксплуатацию украинских крестьян.

По некоторым намекам и указаниям, содержащимся в рылеевском «Прологе», мы можем установить, в какие годы происходило действие трагедии. Слова Юрко:

Нет головы, нет гетмана у нас.
Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны —

дают основание отнести действие «Пролога» к тридцатым годам XVII в. Слова жены арендатора «Придет опять Тарасовская ночь» дают нам основание точнее установить время, о котором идет речь. Как указывал автор «Истории Малой России», «битва переяславская, названная казаками „Тарасовской ночью“, открыла им путь к новым торжествам. Значительная часть Малороссии была очищена от поляков; более всех пострадали арендаторы тамошние».

«Битва переяславская» произошла в 1628 г. и, стало быть, действие, изображенное в «Прологе», относится к последующему времени. То, что на помощь откупщику приходит «пан сотник», еще более уточняет дату действия «Пролога», поскольку польские войска введены были в Чигирин в 1632 г.

Вся совокупность намеков и указаний позволяет датировать происходящее в «Прологе» действие концом тридцатых годов XVII в. Будущий

* Далее зачеркнуто:

Никто тогда нас оскорблять не смел...
Насильств и дерзостей
И униата наглостей от...

Утихло все, и лях, и уния дремала
И в унию из православной веры
Насильно нас не смели обращать.
Лишь умер он, опять
Тогда же все реестровые войска
Коронному гетману подчинились
<1 слово нрзб.> именья разобрали

герой ее в ту пору еще находился в своем поместье Субботове, по соседству с имением подстаросты Данилы Чаплицкого. Распря их произойдет восемью-десятью годами позднее — в 1646 г. Вскоре после этого Хмельницкий поднимет на «ляхов» Запорожскую сечь.

В дошедшем до нас отрывке «Пролога» показано, что между Чигирином и Сечью существует постоянная связь. Из Сечи возвращаются на правобережную Украину с богатой добычей отважные удалыцы (сосед Свырыда). На Сечь бегут угнетенные украинские крестьяне, у которых «нет больше сил терпеть» (Начыпор, Грыцько).

Крупнейшим достоинством «Пролога» является конкретно-историческое отражение в нем настроений украинского народа. Автор «Хмельницкого» показал стремление украинцев к национальному освобождению в сравнительно небольшом по размеру отрывке «Пролога». Он достиг этого новыми, по существу своему *реалистическими* средствами. Конфликт, изображенный в «Прологе», рождается из рядового и будничного столкновения эксплуататоров и эксплуатируемых — отсюда и донос арендатора, и арест Свырыда, и решение возмущенных крестьян бежать в Запорожскую сечь. Еще не умея создавать типические характеры, Рылеев стремился поставить своих героев в обстановку «типических обстоятельств».

Среди образов украинцев центральное место принадлежит Свырыду. Он понимает то, что еще недоступно сознанию его товарищей:

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Эти слова Свырыда, обращенные к связывающим его землякам, свидетельствуют о том, что он трезво оценивал политическую обстановку. Герой поэмы Наливайко восклицал: «Мой жребий ненавидеть / Равно тиранов и рабов!..». Естественные в устах Наливайко, слова эти показались бы чересчур приподнятыми, если бы их произнес Свырыд. Рылеев этого и не делает: речь Свырыда свободна от какой-либо романтической аффектации, но в том немногом, что он говорит, раскрывается суровая правда тогдашней украинской действительности.

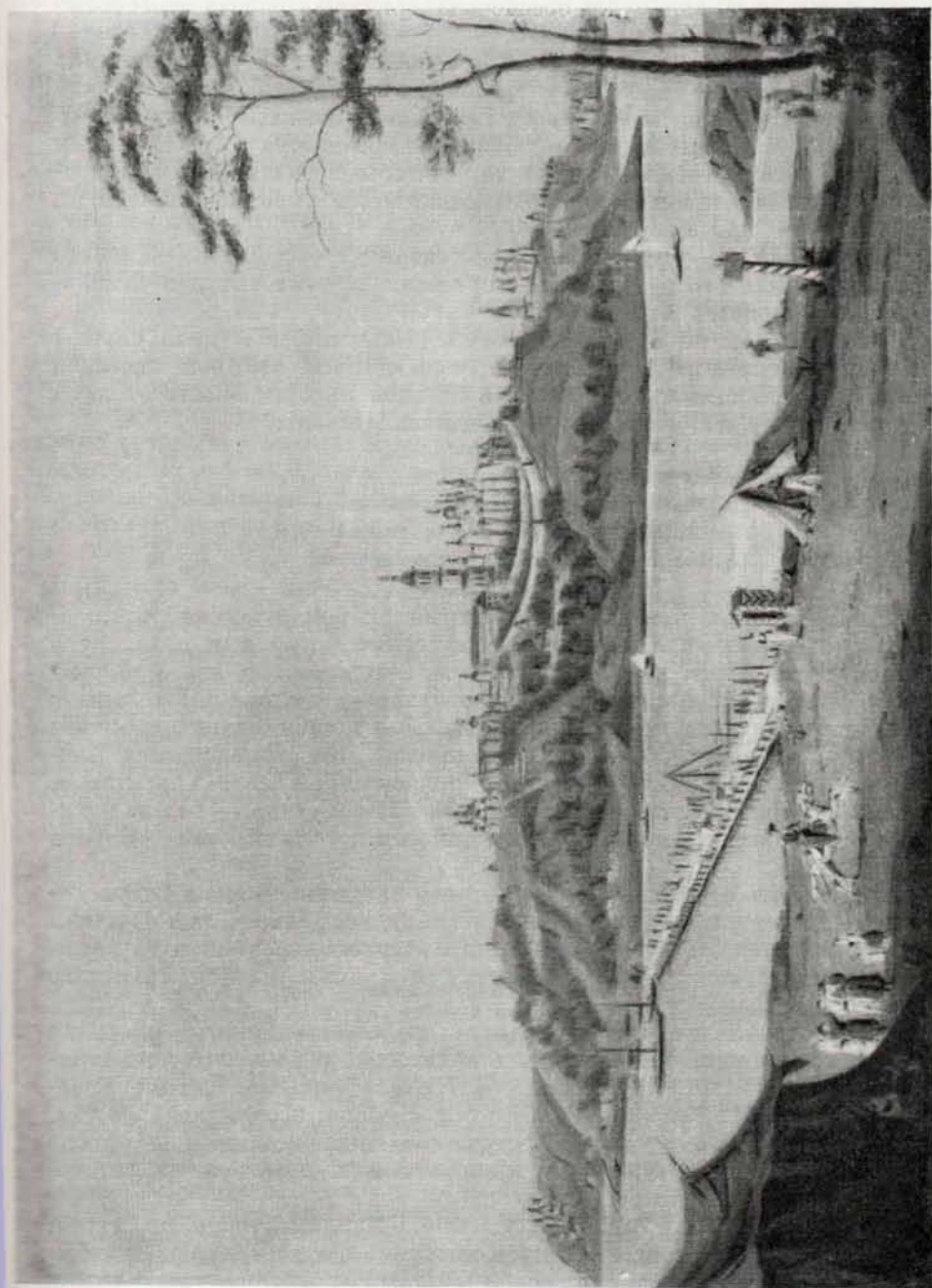
О Свырыде можно поэтому говорить, как об определенном характере, раскрытом пока еще только в политическом плане. Можно предполагать, что в трагедии Свырыду или подобным ему предназначена была важная роль: на таких людей в первую очередь и опирался Богдан Хмельницкий.

В 1822 г. Рылеев еще изображал героя одиночкой, не связанным с народной массой. В думе «Богдан Хмельницкий» страдания украинцев непосредственно изображены не были. Повествование посвящено было изображению страданий и борьбы Хмельницкого. Жена Чаплицкого освободила Богдана, он уже на коне —

И вокруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков...

И вот уже происходят решающие схватки между «обоими народами». Все дело в наличии героя, в его инициативе, — как бы утверждал Рылеев в думе 1822 г.

В трагедии герою еще предстоит появиться. Но уже из «Пролога» видно, что роль его будет совершенно иной. Народная масса бурлит

КИЕВ

Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

и негодует, в ней постепенно зреет воля к борьбе. Примечательно уже то, что Рылеев начал «Хмельницкого» с изображения социального фона: этого вовсе не было в думе. Герой трагедии должен быть кровно связан с народной массой и этим будет обеспечена грядущая победа и освобождение Украины от чужеземного ига.

Все это — лишь предположения, основанные на сравнительно небольшом отрывке из неосуществленной Рылеевым трагедии. Однако мы вправе делать такие предположения, основывающиеся на учете тенденций его работы. Ведь не ради изобличения арендатора и ему подобных был написан этот «Пролог», а для того, чтобы подчеркнуть, что центральной силой восстания была страдающая масса украинского народа, ее нарастающий протест.

Появление вождя обуславливалось теперь не обстоятельствами его личной жизни (как это в известной мере было в думе «Богдан Хмельницкий»), а народным восстанием.

Этой основной и по существу своему реалистической цели служат все элементы стиля рылеевского «Пролога». Весь отрывок насыщен бытовыми подробностями: идет ли речь от лица украинцев или от лица арендатора, всюду изображается повседневная жизнь:

...ведь твой сосед, Пылып,
Недавно в дом из Сечи воротился!
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне законал.

Замечателен язык «Пролога», свободный от романтической приподнятости, лишенный декламационности рылеевских дум или поэм. Речь украинцев включает в себя диалектизмы (например, в языке Юрко: «Будь ласков...»); польские и турецко-татарские слова вкраплены в текст и способствуют историко-географической конкретизации событий: «...пожитки последние из бедной хаты продал, чтоб только *чинши* Чаплицкому отдать»; «И весь народ стал польским *ясырем*». Характерен, наконец, и совершенно новый для Рылеева размер стиха — белый пятистопный ямб, без рифм, напоминающий пятистопный ямб «Бориса Годунова».

Нельзя считать это сходство результатом влияния «Бориса Годунова» на Рылеева, так как «Пролог» был им написан раньше, чем Пушкин создал свою трагедию. Здесь налицо характерная перекличка двух писателей, приблизившихся друг к другу в художественной трактовке исторической темы.

В своем стремлении к реализму автор «Хмельницкого» опередил всех, без исключения, декабристских писателей, работавших над исторической тематикой: Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, О. М. Сомова и др. Все они в общем ограничивались тем, что создавали образы, служившие «рупором» декабристских идей, тогда как в «Прологе» к «Хмельницкому» впервые в этой литературе заговорила подлинная история.

Новаторство Рылеева станет еще более очевидным, если мы учтем, что трагедия о Хмельницком писалась за восемь лет до «Тараса Бульбы» и в один год с «Борисом Годуновым». Рылееву оказались тесны рамки романтической поэмы; жанр трагедии давал ему, как и Пушкину, несравненно больше возможностей. Разумеется, Рылеев не мог сравниться с Пушкиным, твердой поступью шедшим по сознательно избранному им пути художественного реализма. При всем этом «Пролог» к «Хмельницкому», как и агитационно-сатирические песни, знаменовал собою движение Рылеева к реализму.

Это движение не означало, однако, полного перехода Рылеева к реализму. Свойственное Рылееву романтическое мировоззрение мешало ему понять законы исторического развития, в частности — определяющую роль в нем народной массы. Дворянский революционер двадцатых годов, Рылеев до конца не уяснил себе, что без активного участия народа самодержавно-крепостническое государство не может быть низвергнуто. Как известно, на Сенатской площади лучшие люди из дворян оказались изолированными от народа и тем самым обреченными на поражение.

Романтическое мировоззрение Рылеева не могло не сказаться на его отношении к реалистическому методу в художественной литературе.

Но, указывая на препятствия, мешавшие Рылееву стать убежденным сторонником последнего, мы не можем преуменьшать значения в этом отношении тех усилий, которые он сделал уже в «Прологе» к «Хмельницкому».

Ближайшие друзья Рылеева отдавали себе в этом ясный отчет. Н. А. Бестужев писал в своих позднейших воспоминаниях, что «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта. Можно было надеяться, что опытность на литературном поприще, очищенные понятия и большая разборчивость подарили бы нас произведениями совершеннейшими. Жалею, что слабая моя память не может представить ясного тому доказательства из начатков Мазепы и Хмельницкого. Из первого некоторые отрывки напечатаны, другой еще был, так сказать, в пленках, но уже рождение его обещало впереди возмужалость таланта»¹².

В начале 1954 г. наша страна отметила знаменательную дату — 300-летие Переяславской Рады, на которой было окончательно закреплено воссоединение Украины с Россией. Богдан Хмельницкий был передовым борцом за дело воссоединения двух братских народов.

В связи с этим «Пролог» к трагедии о Богдане Хмельницком Рылеева приобретает особое значение, как еще одно яркое доказательство интереса передовых людей России к истории братского украинского народа, к его выдающимся прогрессивным деятелям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия. СПб., 1819; ср. «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика». М. — Л., 1951, стр. 333—334.

Об интересе передовых русских писателей десятых годов к освободительной борьбе украинского народа свидетельствуют и недавно опубликованные черновые наброски Н. И. Гнедича. В начале предисловия к истории Украины Н. И. Гнедич утверждал идеи исторической закономерности борьбы украинцев за свое национальное освобождение. Он писал: «История Малороссии есть история сей мысли, всеобщей, народной, от гетмана до казака <...> Отторгнутая от России Литвою, похищенная у нее Польшею, угнетенная, терзаемая фанатизмом католицизма и тиранством панов польских, Малороссия в продолжении нескольких веков тиснет во имя о помощи к <...> царям российским, еще слабым, еще страшившимся оскорбить заступлением ее могущество Польши. В таких обстоятельствах рождалась в Малороссии всеобщая мысль о собственном сохранении и с нею всеобщий воинственный дух» (И. Н. Медведьва. Н. И. Гнедич и декабристы. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 120).

² В предисловии к своему роману Ф. Н. Глинка отмечал: «Подлинное имя Хмельницкого есть, кажется, Зиновий, а Богдан, как говорит изустное предание, только почетный придаток к его имени. Народ почитал его данным от бога...». В отдельном издании «Дум» Рылеева эти слова Глинки были повторены почти буквально.

³ Рылеев. Соч., стр. 483. — Материалы о работе над поэмой «Хмельницкий» — см. Рылеев. Стих., стр. 483—484.

⁴ Данные о вхождении «Истории русов» в научный и литературный оборот см. в статье: Ю. Г. Оксман. Пушкин в работе над историей Украины. — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 211—221.

⁵ Письмо А. Ф. Бриггена к Рылеву хранится в ИРЛИ. Оно не совсем исправно напечатано В. И. Масловым (Прилож., стр. 97—98).

⁶ «История русов или Малой России». Соч. Георгия Конисского. М., 1846, стр. 62.

⁷ См. стр. 216 настоящего тома.

⁸ Правда, уже и Ф. Н. Глинка во время работы над романом о Богдане Хмельницком старался «получить о нем всевозможные сведения во время пребывания в Киеве, Чернигове и на Украине. Я собирал всякого рода предания, входил во все подробности и вслушивался даже в песни народа, которые нередко объясняют разные места истории его» (см. «Киевские университетские известия», 1916, № 2, стр. 53). Весь этот собранный им биографический «устно поэтический материал» Ф. Н. Глинка предназначал для того «очерка жизнеописания» Богдана Хмельницкого, который, «по недосугам и прочим обстоятельствам», так и не был им написан. В романе же этот фактический «материал» остался не исследованным.

⁹ См. стр. 234 настоящего тома.

¹⁰ Все дальнейшие цитаты из этого отрывка приводятся по автографу ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 279, лл. 1—4. Отметим, что начало этой рукописи имеет вид белого автографа; правка текста начинается с конца оборота второго листа, на последних двух листах автографа она весьма обильна.

¹¹ Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. Изд. 4. СПб., 1903, стр. 99.

¹² Бестужевы, стр. 27.